7658.

Цѣна 1 рубль 25 коп.

БИБЛІОТЕКА
ИСТОРИКО-ЮЛИТИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

НРАВСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЮ ПРИЛОЖЕНІЯ ЧИСЕЛЪ

КЪ

НАУКАМЪ НРАВСТВЕННЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
—
1867.

Изданіе Н. И. Ламанскаго.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Фин.

7658.

НРАВСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА.

Т. I.

НРАВСТВЕННАЯ СТАТИСТИКА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЮ ПРИЛОЖЕНІЯ ЧИСЕЛЪ

КЪ

НАУКАМЪ НРАВСТВЕННЫМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

А. ГЕРРИ и В. ДРОБИША.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Н. И. ЛАМАНСКАГО.

—

1867.

7658

ИСТОРІЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ ЧИСЕЛЪ

КЪ

НАУКАМЪ НРАВСТВЕННЫМЪ.

6.57.24

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. ГЕРРИ,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

А. ВАГНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. ос., 8 л., No. 45).

1867.

39

Н. К. Ф.

65121

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 29 мая 1867 г.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

Издаваемый въ русскомъ переводѣ трудъ *А. Герри* основанъ на глубочайшихъ изслѣдованіяхъ, какія только до настоящаго времени появились въ области нравственной статистики, и отличается строго-научнымъ методомъ. Предлагаемое изслѣдованіе имѣетъ за собою большое значеніе и представляетъ глубокій интересъ не для однихъ только статистиковъ, но и для лицъ, занимающихся другими науками, въ особенности же философовъ, психологовъ, криминалистовъ, политиковъ и экономистовъ. Появляющееся нынѣ въ русскомъ изданіи введеніе къ замѣчательному труду Герри излагаетъ, кромѣ того, весьма подробную критическую исторію приложенія чиселъ къ наукамъ нравственнымъ. Исторія статистики, въ особенности же нравственной, и теорія вѣроятностей, превосходно обработаны. Знакомство автора съ французской, англійской и даже старой нѣмецкой и итальянской литературами достойно удивленія. Въ этомъ отношеніи Герри напоминаетъ Роберта Моля и Вильгельма Рошера. Разнообразныя и значительныя выписки изъ замѣчательныхъ и весьма рѣдкихъ старыхъ сочиненій значительно возвышаютъ достоинство предстоящаго изслѣдованія. Главная цѣль предлагаемаго въ русскомъ переводѣ вве-

денія заключается въ изложеніи тѣхъ философскихъ основныхъ вопросовъ, которые не могутъ быть обойдены при изученіи вопросовъ нравственной статистики, хотя многіе еще до сихъ поръ сомнѣваются въ существованіи этой науки, т. е. не признаютъ возможнымъ, при оцѣнкѣ такъ-называемыхъ нравственныхъ дѣйствій, употреблять статистическіе пріемы и прилагать къ нимъ численный методъ, и притомъ при всякомъ удобномъ случаѣ возстаютъ противъ вѣрности, какъ нравственно-статистическихъ данныхъ, такъ и противъ выводимыхъ изъ этихъ данныхъ заключеній. Еще весьма недавно даже весьма основательные статистики, какъ наприм. Моро-де-Жоннесъ, сомнѣвались въ возможности нравственной статистики.

Впрочемъ, нравственная статистика очевидно имѣетъ двоякое значеніе и двоякую задачу, что̀ до сихъ поръ рѣдко принималось въ разсчетъ и проводилось съ достаточной послѣдовательностью. Гёрри тоже смѣшиваетъ эти двѣ задачи. Нравственная статистика, во-первыхъ, представляетъ намъ данныя, служащія для опредѣленія средней нравственности народа, и показываетъ намъ условія и причины, отъ которыхъ она зависитъ. Во-вторыхъ, она въ тоже время даетъ намъ возможность, при помощи получаемаго такимъ образомъ пониманія этихъ причинъ, доказать *индуктивнымъ образомъ* существованіе всеобщаго закона причинности во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Нравственно-статистическое изслѣдованіе

раскрываетъ передъ нами правильность, съ какой наши дѣйствія слѣдуютъ одно за другимъ, и зависимость ихъ отъ совершенно опредѣленныхъ внѣшнихъ причинъ. Тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ право заговорить о *законности* дѣйствій и объ *эмпирическихъ* законахъ, которые отчасти можно свести на собственно такъ-называемые *естественные законы*. Чрезъ это нравственная статистика становится важнѣйшею частью *статистики видимо произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій*. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается ея огромное *всеобщее* значеніе для наукъ политическихъ и нравственныхъ, т. е. для всѣхъ наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ человѣческаго духа. Нравственная статистика заслуживаетъ вниманія философовъ особенно потому, что наблюдаетъ явленія, которыя мы привыкли считать зависящими отъ „случая“ или отъ нашего собственнаго произвола. Особенныя *свойства* этихъ явленій, *безнравственный* характеръ преступленій, въ этомъ отношеніи вовсе не принимаются въ разсчетъ. До сихъ поръ (да вѣроятно это и всегда такъ будетъ) мы можемъ пользоваться при нашихъ изслѣдованіяхъ, для опредѣленія законности человѣческихъ дѣйствій, только проявленіями *отрицательной* нравственности. Положительно нравственныя и безразличныя въ нравственномъ отношеніи дѣйствія очень рѣдко могутъ быть отмѣчены статистикой (ср. Warnäus, Bevölk. statist. II, 415). Но если когда либо позволительно сдѣлать заключеніе по аналогіи, то это

здѣсь, и заключеніе это будетъ слѣдующее: для послѣднихъ дѣйствій можно принять точно такое же правильное движеніе, и такія же опредѣленныя отношенія зависимости, какъ и для другихъ.

Статистики нравовъ всегда хорошо понимали, что всѣ ихъ изслѣдованія постоянно находятся въ тѣсной связи съ вопросомъ, подчинены ли вообще человѣческія дѣйствія какимъ нибудь законамъ, и если подчинены, то до какой степени.

Но даже *Кетле*, поставившій, какъ извѣстно, этотъ вопросъ во главѣ своихъ изслѣдованій, не всегда строго различаетъ, при дальнѣйшемъ ходѣ своихъ многочисленныхъ работъ, ту двоякую точку зрѣнія, что при этихъ изслѣдованіяхъ приходится имѣть дѣло, съ одной стороны, съ дѣйствіями, имѣющими чисто-спеціальный интересъ—для исторіи цивилизаціи, съ другой же стороны — съ дѣйствіями повидимому произвольными, „нравственно свободными“, т. е. съ высшей и труднѣйшей философской проблемой. И въ сочиненіи Герри это раздѣленіе точекъ зрѣнія не было проведено съ достаточной строгостью. Но методъ, которому онъ слѣдовалъ при обработываніи статистическаго матеріала, особенно же многочисленныя построенія кривыхъ линій, наглядно изображающія извѣстныя вліянія, даютъ возможность прослѣдить законность дѣйствій самымъ точнымъ образомъ. Было бы желательно, чтобъ этимъ занялся, напримѣръ, какой-нибудь философъ-спеціалистъ.

Именно для такого изслѣдованія значеніе сочиненія Герри выше всякой оцѣнки; намъ кажется, что оно даже больше, нежели значеніе его для исторіи цивилизаціи. Герри только въ концѣ введенія своей книги прямо затрогиваетъ весьма важный вопросъ объ отношеніи наблюдаемой правильности и найденныхъ законовъ, касательно человѣческихъ дѣйствій, къ проблемѣ о свободѣ и необходимости. Впрочемъ, съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ другой — о примѣненіи исчисленія по теоріи вѣроятностей къ нравственной статистикѣ; этотъ же вопросъ авторъ разбираетъ очень подробно. Подобно знаменитымъ статистикамъ, *Кетле* и *Ваппеусу*, и немногимъ философамъ-спеціалистамъ, разбиравшимъ въ своихъ сочиненіяхъ философско-антропологическое значеніе „статистическихъ законовъ“, каковъ напр. *Дробишъ*, Герри тоже не находитъ проиворѣчія между законностью дѣйствій и ученіемъ о свободѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ. Съ воззрѣніемъ, которое высказываетъ *Бокль* въ самомъ введеніи къ своему великому историческому сочиненію, и которое, взятое во всей своей полнотѣ, противоположно только что высказанному, Герри объявляетъ себя несогласнымъ, также какъ и съ позитивизмомъ *Конта* (стр. LX), указывая въ тоже время на статью сэра Г. Корнуэлля Льюиса, этого преждевременно умершаго, глубоко-образованнаго англійскаго государственнаго человѣка, помѣщенную въ *Edinburgh Review*. Сочиненіе *Бокля* въ этомъ вопросѣ, какъ и

вообще во всемъ своемъ содержаніи, представляетъ опытъ примѣненія къ историческимъ наукамъ тѣхъ началъ научнаго изслѣдованія, которыя высказалъ Джонъ Стюартъ *Милль* въ своей, сдѣлавшей эпоху, *„Системѣ дедуктивной и индуктивной логики“*. Въ шестой книгѣ, имѣющей предметомъ логику гуманныхъ наукъ, *Милль* разбираетъ вопросъ, подчинены ли и человѣческія дѣйствія, подобно всѣмъ остальнымъ явленіямъ, неизмѣннымъ законамъ. Онъ рѣшаетъ его положительно, но выставляетъ на видъ свое отличіе отъ послѣдователей такъ-называемаго ученія о необходимости, т. е. въ особенности отъ матеріалистовъ обыкновеннаго разбора, заключающееся въ томъ, что онъ иначе ставитъ вопросъ, и называетъ обыкновенное пониманіе его невѣрнымъ. Вообще, говоритъ онъ, принимаютъ какую-то таинственную связь, существующую между причиной и дѣйствіемъ. Если утверждаютъ, что и *воля*, подобно другимъ явленіямъ, опредѣляется предъидущими событіями, а не опредѣляетъ сама себя независимымъ образомъ, то въ этомъ нѣтъ ничего мистическаго. Наши желанія и дѣйствія — неизбѣжное слѣдствіе предшествовавшаго состоянія нашего духа; поэтому вышеприведенное предположеніе — не болѣе, какъ неизмѣнный, опредѣленный и необходимый выводъ изъ данныхъ посылокъ.

Милль, также какъ и *Бокль*, видитъ полновѣсное подтвержденіе *a posteriori* закона неизмѣнной причинности въ проявленіяхъ человѣческой воли — въ статистической

правильности случаевъ, разсматриваемыхъ *en masse*, въ сравненіи съ полной неправильностью тѣхъ же, составляющихъ массу, случаевъ, если ихъ разбирать отдѣльно (причемъ *Миллъ*, какъ и всѣ другіе изслѣдователи, считаетъ эту неправильность бо̀льшею, нежели она на самомъ дѣлѣ).

Въ новѣйшее время по вопросу о законахъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями, высказался и *Лотце*, въ третьемъ томѣ своего „Микрокозма“. Онъ называетъ попытки помирить существованіе этихъ законовъ съ свободой личной воли мало удовлетворяющими. Но въ тоже время онъ высказываетъ рѣшительное недовѣріе въ отношеніи къ самымъ статистическимъ законамъ. Онъ говоритъ, что если, на основаніи ихъ, по данному числу дѣйствій извѣстнаго рода, совершившихся въ прошедшемъ, заключаютъ о числѣ подобныхъ имъ дѣйствій, долженствующихъ совершиться въ будущемъ, въ такой же промежутокъ времени, то это слишкомъ смѣло. Этими законами измѣряются вовсе не такія величины, которымъ бы можно было приписать подобную, допускающую предсказанія, опредѣленность. Они не показываютъ намъ, чтобы, напр. число совершенныхъ преступленій находилось въ постоянномъ отношеніи къ числу преступленій задуманныхъ, предупрежденныхъ, или неудавшихся. Еще болѣе: они помѣщаютъ въ одинъ общій классъ, какъ напр. убійствъ и умерщвленій,—случаи, имѣющіе самое различное нравственное значеніе, и число которыхъ само

по себѣ вовсе не даетъ мѣрила для количества зла, произведеннаго, въ какомъ нибудь направленіи, въ извѣстномъ обществѣ и въ извѣстное время. Между тѣмъ только это количество, а не самое число извѣстныхъ преступленій, можно представить себѣ зависящимъ, по опредѣленнымъ законамъ, отъ размѣровъ движенія общества, потому что его (это количество) можно считать треніемъ, нераздѣльнымъ отъ жизни и прогресса этого общества.

Уже въ теперешнемъ своемъ состояніи статистика произвольныхъ дѣйствій, какъ напр. замѣчательное изслѣдованіе Герри о преступленіяхъ и самоубійствахъ въ Англіи и Франціи, и наши изслѣдованія о статистикѣ самоубійствъ въ Европѣ, представляютъ, какъ намъ кажется, возможность опровергнуть сомнѣнія *Лотце* во многихъ важныхъ пунктахъ. Кругъ дѣйствія и значеніе нашихъ статистическихъ законовъ гораздо шире, нежели это допускаетъ *Лотце*. Мы замѣчаемъ неоспоримую правильность не въ одномъ только общемъ числѣ убійствъ, самоубійствъ и т. д., а тоже и въ *вѣроятныхъ побудительныхъ причинахъ* преступниковъ, въ *особенныхъ, характеризующихъ ихъ дѣйствія нравственныхъ условіяхъ*, и въ *сопровождающихъ ихъ обстоятельствахъ*, правильность, нерѣдко обнаруживающуюся уже при небольшомъ числѣ наблюденій. Относительныя числа, служащія выраженіемъ побудительныхъ причинъ и сопровождающихъ обстоятельствъ одного года, не очень

отличаются отъ среднихъ чиселъ за весь періодъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствительно въ обществѣ развивается опредѣленное количество зла, по опредѣленнымъ законамъ. Въ изслѣдованіи „сравнительная статистика самоубійствъ въ Европѣ“ (Vergleichende Selbstmordstatistik Europas. Hamburg, 1864) мы подробно разсмотрѣли законы и постоянныя отношенія зависимости самоубійствъ. Герри въ своемъ сочиненіи помѣстилъ весьма любопытную статистику *побудительныхъ причинъ покушеній на жизнь*, основанную на числахъ, доставленныхъ французскими присяжными судами въ періодъ съ 1826 — 57 г., при чемъ всѣхъ обвиняемыхъ было 21,322 (стр. VI и LXII и слѣд.). На тысячу случаевъ этими причинами были: въ 214 случаяхъ — корыстолюбіе и жадность; въ 147 — половыя отношенія (въ 21 — вслѣдствіе законныхъ, въ 126 — вслѣдствіе незаконныхъ связей); въ 124 — семейныя отношенія; въ 6 — отношенія между господами и прислугой; въ 98 — сопротивленіе исполненію законовъ; въ 12 — насильственное приведеніе законовъ въ дѣйствіе; въ 13 — политика и вообще безпорядки; въ 51 — личная защита и дуели; въ 237 — ссоры въ трактирахъ и т. п.; въ 30 — соперничество между различными приходами, сословіями и т. д.: въ 26 — родовая месть (Корсика); въ 10 — скупость, жестокость, грубость (въ обращеніи съ дѣтьми и воспитанниками); въ 10 — ошибка, необдуманность, отчаяніе; въ 10 — причина неизвѣстна. Въ предѣ-

лахъ этихъ главныхъ категорій являются различныя подраздѣленія, но тоже съ постоянными процентными отношеніями. Всѣ эти числа, вообще говоря, повторяются ежегодно съ большою правильностью, часто даже до мельчайшихъ подробностей. Тоже самое можно сказать и о *комбинаціяхъ* между отдѣльными дѣйствующими причинами, напр. между жадностью и корыстолюбіемъ съ одной стороны, и половыми или семейными отношеніями — съ другой. Развѣ это явленіе не приводитъ къ заключенію, что въ самомъ дѣлѣ количество зла почти постоянно, и развивается правильно, сообразно опредѣленнымъ законамъ? Конечно, *съ точностью* это количество можно былобъ опредѣлить только въ томъ случаѣ, если бы было возможно привести отдѣльныя дурныя дѣла къ одинаковому количеству зла. Но *приблизительное* понятіе о немъ можно себѣ составить на основаніи правильной классификаціи преступленій.

Законосообразность дѣйствій не такъ ясно видна, если мы будемъ наблюдать только за движеніемъ общаго годичнаго числа преступленій. Это число есть функція всѣхъ дѣйствующихъ обстоятельствъ, и въ немъ не всегда легко съ достовѣрностью указать на причинную связь явленій. Это преимущественно становится возможнымъ чрезъ разложеніе чиселъ и группировку ихъ, дающую имъ иногда совершенно другой видъ. Такимъ образомъ находятъ спеціальные законы, открывающіе намъ постоянное вліяніе одной причины на наблю-

даемыя явленія. Безъ анализа этихъ законовъ невозможно обойтись при обсужденіи вопроса о свободѣ и необходимости. Герри старается охарактеризовать правильность произвольныхъ повидимому дѣйствій, посредствомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ спеціальныхъ законовъ, показывающаго правильность періодическаго повторенія самоубійствъ въ разныя времена года, или распредѣленіе самоубійствъ по мѣсяцамъ (стр. XLIV). По среднимъ результатамъ двадцати-шести лѣтъ, въ періодъ 1835—60 г., обнимающимъ 85,364 самоубійства, *maximum* ихъ бываетъ во время лѣтняго солнцестоянія, а *minimum*—во время зимняго, т. е. въ іюнѣ и декабрѣ; на оба мѣсяца равноденствія приходятся среднія числа, но на мартъ нѣсколько больше, нежели на сентябрь; съ декабря до іюня замѣчается правильное возрастаніе чиселъ, усиливающееся начиная съ марта; съ іюня же до декабря, въ особенности же начиная съ октября,—такое же правильное пониженіе. Движеніе чиселъ совершенно одинаково въ теченіе двухъ тринадцати-лѣтнихъ періодовъ,—съ 1835—47 г. (36,679 случаевъ) и съ 1848—60 г. (48,685 случаевъ). Отклоненія отъ среднихъ величинъ за весь періодъ очень незначительны. Въ существенныхъ чертахъ годичное движеніе чиселъ сходно съ мѣсячнымъ. Въ „сравнительной статистикѣ самоубійствъ въ Европѣ“ мы показали, что въ пятнадцати другихъ странахъ и городахъ существуетъ тотъ же законъ распредѣленія самоубійствъ по време-

намъ года и мѣсяцамъ, какъ и во Франціи. Слѣдовательно, здѣсь найденъ эмпирическій законъ, который мы можемъ назвать естественнымъ въ области произвольныхъ повидимому дѣйствій, если только намъ удастся объяснить самый фактъ вліянія временъ года, и направленіе этого вліянія, т. е. свести все это на ближайшую болѣе общую причину. По нѣкоторымъ аналогіямъ съ душевными болѣзнями можно бы, кажется, заключить, что здѣсь играютъ роль страданія головнаго мозга, причиняемыя условіями температуры, или, вѣрнѣе сказать, болѣе (лѣтомъ и весной) или менѣе (зимой и осенью) благопріятствуемыя ими. Вѣроятно, при этомъ очень важны переходы температуры, на что Герри не обратилъ вниманія. Если *maximum* и приходится почти всегда на іюнь, а *minimum* — на декабрь, то все-таки число самоубійствъ въ маѣ и іюлѣ, или въ ноябрѣ и январѣ, почти одинаково, между тѣмъ какъ въ мартѣ мы замѣчаемъ быстрое увеличеніе, а въ октябрѣ — быстрое уменьшеніе этого числа, хотя дальнѣйшее повышеніе или пониженіе температуры не имѣетъ уже такого вліянія (см. Selbstmordstatistik Europas, стр. 128—135, 280). Въ связи съ вліяніемъ временъ года на самоубійства, слѣдуетъ разсматривать и вліяніе ихъ на различныя преступленія. Здѣсь мы встрѣчаемъ самую очевидную періодичность нравственно-свободныхъ дѣйствій. Простымъ отрицаніемъ противорѣчія между такими законами и свободною волею (какъ то дѣлаетъ

Герри) дѣло еще не рѣшается, точно также, какъ и полнымъ отрицаніемъ этой свободы, основаннымъ на самомъ фактѣ существованія этихъ законовъ. Рѣшеніе *Милля* также не совершенно удовлетворительно. Какъ самая возможность соглашенія этихъ законовъ со свободой воли, такъ и способъ этого соглашенія до сихъ поръ составляютъ, какъ намъ кажется, нерѣшенный вопросъ. Сомнѣнія, связанныя съ этимъ вопросомъ, не устранены ни *Миллемъ*, ни *Лотце*, несмотря на все различіе ихъ точекъ зрѣнія. Оба они недостаточно глубоко изучили статистическіе законы, со всѣми ихъ особенностями.

Вопросы, связанные съ законностью дѣйствій, очевидно имѣютъ огромнѣйшее значеніе для всѣхъ наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ человѣческаго духа, въ особенности же для политической экономіи. Въ послѣдней наукѣ, еще въ недавнее время, существованіе естественныхъ законовъ было опять оспариваемо *Гильдебрандтомъ* (Jahrbuch für Nationalökonomie, I, 22), который такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ, сдѣлалъ главный вопросъ по этой отрасли знанія — вопросомъ дня. *Рошеръ* возражалъ ему въ пятомъ изданіи своего руководства (§ 13, прим. 5), причемъ указывалъ на правильность и законность, наблюдаемую при нравственно-статистическихъ изслѣдованіяхъ; однако онъ не вошелъ въ подробный разборъ основной, существенной стороны спорныхъ вопросовъ, несмотря на всю

важность, какую подобный разборъ имѣлъ бы въ этомъ случаѣ. Къ сожалѣнію, слово естественный законъ получило въ практическихъ вопросахъ науки о народномъ хозяйствѣ преувеличенное значеніе, и имъ стали чрезвычайно часто злоупотреблять. Но это еще не составляетъ основанія отрицать существованіе вообще всякаго естественнаго закона въ политической экономіи, въ особенности же въ процессѣ распредѣленія и обращенія богатствъ. Намъ кажется, что здѣсь одинъ *Милль* выбралъ правильную точку зрѣнія. Если мы не можемъ говорить объ основанномъ на естественныхъ законахъ опредѣленіи цѣнъ, или родовъ дохода, то вообще не существуетъ никакой науки, называемой политической экономіей. Политико-экономическіе естественные законы — ничто иное, какъ законы, управляющіе произвольными повидимому экономическими дѣйствіями. Для вѣрнаго пониманія сущности и круга дѣйствія этихъ законовъ въ высшей степени полезно изученіе сочиненій Герри и подобныхъ ему. Это сочиненіе, со своими вычисленіями и графическими изображеніями, основано на вполнѣ послѣдовательномъ примѣненіи тѣхъ строго индуктивныхъ методовъ изслѣдованія, которые Милль примѣнилъ съ съ такою полнотою и ясностью къ такъ-называемымъ произвольнымъ или управляемымъ свободною волею дѣйствіямъ. Примѣнимость этихъ методовъ въ этомъ случаѣ доказывается и оправдывается существованіемъ закона причинности. Слова Либиха о логикѣ Милля не менѣе

справедливы въ отношеніи къ нравственнымъ и общественнымъ наукамъ, наприм. къ статистикѣ произвольныхъ дѣйствій, или къ политической экономіи, какъ и въ отношеніи къ химіи. Онъ говоритъ: „стоитъ только дать началамъ, которыя этотъ великій философъ выработалъ для естествознанія, дальнѣйшее развитіе и примѣнить ихъ къ нѣсколькимъ спеціальнымъ случаямъ, чтобъ и здѣсь дойти до самыхъ важныхъ результатовъ“.

Numerical precision is the very soul of science; and its attainment affords the only criterion, or at least the best, of the truth of theories.

Sir J.-F.-W. Herschel,
Disc. on the study of nat. philosophy.

Подъ словомъ Статистика, введеннымъ во французскій языкъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, разумѣлась первоначально наука, имѣющая предметомъ своимъ познаніе политическаго и административнаго строя государства, его почвы, населенія и всякаго рода производительныхъ силъ [1]).

Въ настоящее время это опредѣленіе становится неточнымъ и неудовлетворительнымъ. Смѣшивая понятіе о самой наукѣ съ понятіемъ о матеріалахъ науки, оно, повидимому, не нуждается ни въ правилахъ, ни въ теоріи. Съ одной стороны, оно включаетъ въ статистику то, что̀ на самомъ дѣлѣ давно уже не входитъ въ составъ ея, а именно: изложеніе политическаго строя государства. Съ другой стороны, оно, напротивъ, не обнимаетъ собой ни одного изъ современныхъ приложеній статистическихъ методовъ къ медицинѣ, сравнительной физіологіи и ко многимъ другимъ предметамъ первостепенной важности, но не имѣющихъ ни малѣйшей

связи ни съ общественной экономіей, ни съ познаніемъ о началахъ богатства о могущества государства.

Періодъ Реставраціи ознаменовался въ небольшой промежутокъ времени двумя событіями, которыя составятъ эпоху въ исторіи французской администраціи, а именно: 1) учрежденіемъ парижскаго статистическаго бюро графомъ де-Шаброль, префектомъ департамента Сены, и 2) установленіемъ общихъ отчетовъ отправленія уголовнаго правосудія во Франціи графомъ де-Пейроннэ.

Устройство статистическаго бюро и высшее управленіе его дѣятельностью были поручены барону Фурьэ, непремѣнному секретарю академіи наукъ и преемнику Деламбра.

Планъ, начертанный имъ самимъ для исполненія обширнаго предпріятія, мысль о которомъ впервые зародилась въ его умѣ, можетъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ служить образцемъ метода и ясности, равно какъ и ученыя записки, которыя онъ помѣщалъ во главѣ каждаго тома статистическихъ изданій префектуры Сены. Мемуары эти имѣютъ предметомъ своимъ аналитическую теорію законовъ ея народонаселенія и теорію вѣроятностей. Ему же отчасти обязаны мы нововведеніемъ, которое въ настоящее время можетъ показаться весьма обыкновеннымъ улучшеніемъ, но которое тѣмъ не менѣе произвело тогда переворотъ въ административной статистикѣ. Нововведеніе это состояло въ томъ, что

огромная масса излишнихъ письменныхъ дѣлъ замѣнилась таблицами, періодически представлявшими численные результаты, достовѣрно выведенные. Такимъ образомъ увеличилось количество фактовъ касательно гражданскаго быта, которые сообщались центральной власти, причемъ значительно упростилось дѣлопроизводство и сократились государственные расходы.

Въ различныхъ отрасляхъ общественной администраціи обширной страны ежедневно утверждаются въ огромномъ количествѣ и разнообразіи отдѣльные факты, разсматриваемые исключительно съ точки зрѣнія ихъ отношеній къ положительнымъ и непосредственнымъ интересамъ. Кромѣ непосредственной пользы, которую они приносятъ относительно первоначальной цѣли, эти факты косвеннымъ образомъ представляютъ другую выгоду. Они постепенно образуютъ богатый запасъ наблюденій, въ которомъ будутъ собраны свѣдѣнія, необходимыя для глубокаго изученія всѣхъ вопросовъ, относящихся до управленія гражданскимъ обществомъ и до исполненія законовъ и постановленій.

Успѣхи въ матеріальномъ быту, усовершенствованія въ области искуства и промышленности побуждаютъ предпринимать въ наше время, въ мірѣ физическомъ, труды, которые поражаютъ воображеніе столько же громадностью своихъ размѣровъ, сколько и важностью доставляемыхъ ими результатовъ. Принося пользу этимъ трудамъ, естественныя науки поспѣшили съ поль-

зою употребить ихъ для дальнѣйшаго своего развитія. Въ нравственномъ мірѣ было бы очень естественно дѣйствовать такимъ же образомъ относительно драгоцѣнныхъ документовъ, собранныхъ администраціею.

Важность значенія статистики, какъ вспомогательнаго средства при надзорѣ и контролѣ въ различныхъ отрасляхъ общественнаго управленія, не могла укрыться отъ зоркаго глаза Наполеона I. Въ числѣ быстрыхъ и энергическихъ мѣръ [2]), принятыхъ при самомъ основаніи консульскаго правленія, съ цѣлью вновь преобразовать администрацію, пришедшую почти въ совершенный упадокъ [3]), мы находимъ и распоряженія его о расширеніи изслѣдованій о состояніи Франціи, начатыя при Людовикѣ XIV генералъ-интендантами провинцій.

Въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, находившихся подъ управленіемъ Люціана Бонапарта и Абріаля, были получены инструкціи касательно этого дѣла на имя префектовъ и коммиссаровъ департаментовъ. Этимъ правителямъ предписывалось періодически сообщать, посредствомъ обширной корреспонденціи изъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ въ центральную администрацію, всѣ статистическіе факты, могущіе быть полезными правительству для результатовъ его дѣла касательно благосостоянія народа.

Мелочныя административныя занятія, въ родѣ распоряженій, относящихся до исполненія подобныхъ работъ, хотя первоначально и привлекли къ себѣ внима-

ніе правителя государства, однако не могли не исчезнуть, такъ сказать, среди высшихъ интересовъ политики и войны. Послѣ значительнаго толчка, даннаго имъ при самомъ ихъ основаніи весьма ограниченнымъ числомъ просвѣщенныхъ чиновниковъ, работы эти, впослѣдствіи менѣе цѣнимыя, были почти совершенно заброшены. Въ министерствѣ юстиціи, равно какъ и въ префектурѣ Сены, были даже уничтожены статистическія бюро.

Все это было въ порядкѣ вещей. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, самый геній среди мира не въ состояніи многимъ опередить своего вѣка. Въ дѣлѣ умственной работы, не только въ области литературы и искуства, но и въ самыхъ незначительныхъ ея проявленіяхъ, первое условіе успѣха составляетъ всеобщее подготовленіе умовъ, проистекающее изъ здраваго управленія народнымъ просвѣщеніемъ и распространенія во всѣхъ слояхъ общества извѣстнаго уровня положительныхъ знаній. Верховная власть путемъ искусныхъ мѣръ можетъ, безъ сомнѣнія, воспрепятствовать подобному подготовленію; но никогда, никакими средствами, она не будетъ въ состояніи достойно замѣнить его.

Въ утвержденномъ Наполеономъ I установленіи административныхъ работъ, равно какъ и въ результатахъ ученыхъ изслѣдованій и промышленныхъ примѣненій, которыя онъ такъ благородно поощрялъ [4]), желанія его осуществились даже сверхъ его ожиданій; но случилось это

только по прошествіи большаго промежутка времени, потому что прогрессивный ходъ развитія наукъ и народнаго просвѣщенія продолжался четверть столѣтія.

Въ первыхъ же годахъ Реставраціи нѣсколько замѣчательныхъ государственныхъ людей, въ томъ числѣ и виконтъ Лэне, министръ внутреннихъ дѣлъ, настойчиво требовали отъ хранителя государственныхъ печатей, офиціальныхъ документовъ о числѣ и свойствахъ рѣшеній французскихъ судовъ, документовъ, подобныхъ тѣмъ, которые въ 1818 году были сообщены англійскимъ министромъ Нижней Палатѣ [5]). Такимъ образомъ предполагалось установить между обоими странами сравненіе, которое должно было говорить въ пользу Франціи. „Составленіе подобныхъ документовъ, отвѣчали бюро канцеляріи, составленіе подобныхъ документовъ было бы работой слишкомъ трудной и даже невозможной“. Чтобы хотя сколько нибудь замѣнить эти документы и тѣмъ избавить себя отъ труда наводить справки во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ королевства, было предложено министру внутреннихъ дѣлъ произвести въ префектурахъ списокъ реестрамъ колодничьихъ росписей. Благодаря странному безпорядку судебно-статистическіе выводы попали тогда въ руки министра внутреннихъ дѣлъ, какъ впослѣдствіи важнѣйшіе выводы, касавшіеся географическаго распредѣленія образованія, поступили въ распоряженіе военнаго министра. Такъ какъ вскорѣ послѣ того эти же требованія повторились съ

новою силою, то въ министерствѣ юстиціи были приняты нѣкоторыя мѣры, съ цѣлью добыть, хотя и для будущаго, столь настоятельно требуемыя свѣдѣнія. Мѣры эти однакоже не принесли никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ [6]).

Легче бываетъ иногда измѣнить политическіе законы страны, чѣмъ ввести незначительныя перемѣны въ ея внутреннее управленіе. Для того, чтобы довести судебную статистику до той степени совершенства, на которой она находится въ настоящее время, нельзя было предпринимать полумѣры; это значило бы подчиниться воспроизведенію видоизмѣненныхъ ошибокъ офиціальной статистики. Планъ проектированныхъ работъ, составлявшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Герри-Шампнёфомъ (Guerry-Champneuf), съ той неодолимой страстью, съ тѣмъ единствомъ взгляда, безъ которыхъ не достигаются никакіе великіе результаты, былъ окончательно утвержденъ по глубокомъ разсмотрѣніи всѣхъ подобныхъ работъ, произведенныхъ за границею [7]). Согласно съ нововведеніемъ, исполненнымъ смѣлости и долженствовавшимъ встрѣтить живѣйшее сопротивленіе, слѣдовало учредить во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ королевства и даже въ самыхъ незначительныхъ мировыхъ учрежденіяхъ нѣчто въ родѣ постоянной отчетности, основанной на многочисленныхъ способахъ ревизіи и контроля. Общіе выводы этой отчетности періодически доставлялись въ центральное управленіе, ежегодно приводились въ порядокъ,

тщательно провѣрялись и въ такомъ уже видѣ образовывали составныя части административнаго документа, становившагося, въ смыслѣ отвлеченномъ, тѣмъ же, что бюджетъ въ смыслѣ матеріальномъ. По счастливому стеченію обстоятельствъ, министръ, имя котораго стояло во главѣ этого обширнаго предпріятія, былъ на столько просвѣщенъ, что понималъ всю его важность и обладалъ достаточной энергіей, дабы довести его до конца.

Отчеты уголовнаго и гражданскаго судопроизводства были ведены со дня ихъ установленія Аронд̀о, который, будучи превосходно знакомъ съ практической стороной административнаго дѣла, руководилъ исполненіемъ этого огромнаго труда съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла и съ самой добросовѣстною точностью. Благодаря его настойчивымъ усиліямъ мы обязаны также устройству Судебнаго ящика (Casier judiciaire), составляющаго необходимое дополненіе къ отчетамъ уголовнаго судопроизводства и вѣрное средство возстановить въ настоящее время всѣ прежніе судебные случаи и ихъ повторенія во всѣхъ частяхъ Франціи [8]).

Спустя нѣсколько лѣтъ по изданіи отчетовъ уголовнаго судопроизводства, они сдѣлались образцами почти всѣхъ странъ Европы. Въ работахъ подобнаго рода, равно какъ и въ своихъ замѣчательныхъ парламентскихъ изслѣдованіяхъ (Enquêtes parlementaires), Англія давно уже опередила Францію. Въ 1834 г., преодолѣвъ затрудненія, источникъ которыхъ лежалъ въ ея административ-

ной организаціи, она, въ свою очередь, подражая Франціи, учредила свои новые отчеты судебной статистики (Comptes de statistique judiciaire) приблизительно по образцу французскихъ; веденіе этихъ отчетовъ было тогда же поручено и до сихъ поръ находится подъ наблюденіемъ просвѣщеннаго дѣятеля М. С. Редграва. И еще весьма недавно эти матеріалы получили, подъ руководствомъ сэра Джоржа Грэя, значительное развитіе, что̀ увеличило ихъ цѣнность [9]).

Если въ настоящее время Франціи отдаютъ преимущество за ея уголовную статистику, то Англія безспорно и давно уже заслуживаетъ того же самаго за статистику, приносящую пользу болѣе общую и непосредственную, статистику, относящуюся до глубокаго познанія элементовъ народонаселенія въ его различныхъ состояніяхъ, — словомъ, статистику, которую можно бы назвать біологи́ческой (statistique biologique). Привести существующія тутъ различія, значитъ представить средства къ ихъ устраненію. Въ этой послѣдней отрасли знаній и еще въ нѣкоторыхъ другихъ Франціи слѣдуетъ подражать прекраснымъ трудамъ англичанъ [10]).

Между трудами, которые около этой эпохи во́ Франціи наиболѣе способствовали къ тому, чтобы дать новый видъ статистикѣ, всегда будутъ именоваться, какъ исходные пункты, труды барона Карла Дюпэна, г. Виллермэ, г. Бенуа де-Шатонёфъ. Не менѣе замѣчательны, хотя съ совершенно другимъ направленіемъ,

труды доктора Луи́, основателя численнаго метода (méthode numérique), служащаго еще въ настоящее время предметомъ живѣйшихъ споровъ въ медицинскомъ мірѣ [11]). Къ этимъ справедливо уважаемымъ именамъ слѣдуетъ присоединить, какъ принадлежащее, такъ сказать, Франціи, имя Кетле, автора множества ученыхъ статистическихъ мемуаровъ, касающихся законовъ народонаселенія и нравственнаго и физическаго развитія человѣка [12]).

Со времени изданія этихъ важныхъ матеріаловъ, слово статистика, къ чести французской администраціи и къ великому успѣху науки, приняло значеніе болѣе обширное и философское; оно нѣкоторымъ образомъ преобразовалось. Хотя и сохранилось слово, но измѣнился смыслъ его. Подобныя перемѣны весьма часто встрѣчаются въ исторіи языка. Точно такимъ же образомъ слово геометрія, помимо его этимологіи, выражаетъ теперь измѣреніе протяженія въ пространствѣ и для возстановленія его первоначальнаго значенія нашлись вынужденными создать слово геодезія [13]).

Какъ бы для того, чтобъ яснѣе выставить чрезвычайные безпорядки, почти всегда проистекающіе изъ неточнаго опредѣленія, были изданы подъ крайне неопредѣленнымъ заглавіемъ „статистика“ и безъ единой численной таблички, труды самаго разнообразнаго содержанія, какъ напр. „Описаніе памятниковъ по провинціямъ и эпохамъ“, „Промышленныя номенклатуры“,

„Записки о мѣстной археологіи“ и даже біографическіе словари [14]).

Чтобы включить въ слово статистика хоть основную мысль исчисленія и чтобы вкратцѣ объяснить особенный смыслъ ему приданный, мы считаемъ не лишнимъ присоединить къ нему прилагательное аналитическая, или, что̀ еще лучше, замѣнить его этимъ самымъ прилагательнымъ, взятымъ какъ существительное [15]).

Слово анализъ, которое въ математикѣ прилагается почти исключительно къ исчисленію безконечно малыхъ величинъ, впервые было употреблено для выраженія простаго численнаго анализа геометромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ философомъ — знаменитымъ П. Мальбраншемъ.

Нравственная аналитика есть примѣненіе численнаго анализа къ фактамъ нравственнаго міра, изображеннымъ въ среднихъ величинахъ и размѣщеннымъ по разрядамъ и въ такомъ уже видѣ служащимъ данными для вывода закона ихъ развитія и взаимной зависимости,—иначе: нравственная аналитика есть, въ отвлеченномъ смыслѣ, примѣненіе численнаго анализа къ изученію явленій и ихъ взаимныхъ отношеній [16]).

До Бэконаи Декарта, въ продолженіе всей средневѣковой эпохи и во времена Отцевъ Церкви, математика не только прилагалась къ нравственнымъ наукамъ, а тѣсно соединялась съ ними, даже почти совершенно сливалась съ теологіей. Многотомныя сочиненія св. Августина,

св. Ансельма Кентрбюрійскаго, Гюга де Сенъ-Виктòра, труды многочисленныхъ комментаторовъ Боэція, а впослѣдствіи и труды кардинала Куза, Венетуса [17]), даже самого Кеплера, представляютъ въ этомъ отношеніи неисчерпаемый источникъ, въ которомъ съ каждымъ днемъ производятся новыя открытія.

Въ знаменитомъ трактатѣ св. Августина: De Quantitate animae, невещественность и безсмертіе души подтверждаются доказательствами, почерпнутыми изъ геометріи [18]).

Сравнительно съ умственнымъ движеніемъ современныхъ намъ обществъ, въ которыхъ познанія распространены болѣе или менѣе равномѣрно, странное зрѣлище представляетъ умственная жизнь среднихъ вѣковъ. Находясь подъ вліяніемъ церковнаго и феодальнаго правленія, въ которомъ все благопріятствовало духовному званію, небольшое число людей возвышенныхъ, лишенныхъ семейныхъ связей и заботы защищать свои свѣтскіе интересы, предавались въ глуши монастырей изученію самыхъ темныхъ вопросовъ схоластической метафизики [19]). Погрузившись однажды въ эти смѣлыя теоріи, они не въ состояніи остановиться: они хотятъ все понять, все изъяснить. Безъ удивленія нельзя взирать на ту увѣренность, съ которою они устанавливаютъ для вещей, недоступныхъ пониманію и даже переходящихъ границу вѣры—какую-то полубогословскую космографію, соединенную съ психологіею. Прилагая къ различнымъ элементамъ этого такимъ

образомъ понимаемаго міра самыя методическія классификаціи, безконечныя раздѣленія и подраздѣленія; присовокупляя къ перечисленію пороковъ и добродѣтелей, исчисленіе небесныхъ властей и адскихъ духовъ, они, наконецъ, открываютъ удивительную гармонію между видимымъ и духовнымъ міромъ, и микрокозмомъ, т. е. самимъ человѣкомъ, который двойственостью своей природы служитъ на землѣ живымъ изображеніемъ и символомъ этихъ двухъ міровъ.

Различныя примѣненія чиселъ, разсматриваемыхъ или въ своихъ собственныхъ свойствахъ, въ своихъ таинственныхъ сочетаніяхъ, или относительно нѣкоторыхъ особенныхъ условій порядка, наружнаго вида и симметріи, составляютъ въ эту эпоху обширную систему, превосходно расположенную во всѣхъ своихъ частяхъ и въ основаніи которой, повидимому, лежатъ всѣ начала, управляющія явленіями видимаго и умственнаго міровъ. Весь міръ, или Космосъ, представляетъ, по понятіямъ того времени, подъ эмблемою трехъ сферъ, заключающихся въ четвертой, громадной сферѣ, и по убывающему порядку совершенства или духовности, слѣдующее троякое раздѣленіе: 1) міръ умственный или ангельскій; 2) міръ небесный или звѣздный, нетлѣнный; 3) міръ стихійный, бренный, подлунный или земной. Для каждаго изъ этихъ подраздѣленій, составляющихъ столько же второстепенныхъ единицъ, производится посредствомъ послѣдовательной перестановки трой-

ное дѣленіе, разложенное на такое же число троякихъ подраздѣленій. Естественная прогрессія анормальныхъ чиселъ въ различныхъ подраздѣленіяхъ (hiérarchies, départements, étages, etc.), даетъ для каждаго изъ вышепоименованнаго міра и даже для всей вселенной съ совершенной симметріей свой корень, квадратъ и кубъ [20]).

Единица, служащая для измѣренія, не могла быть найдена въ измѣряемомъ предметѣ. На основаніи такого замѣчанія св. Августина, первоначальная единица, къ которой относятся всѣ другія, превѣчная монада, образъ Бога, помѣщена снаружи, сверху символовъ вселенной. Это—число простѣйшее, неразлагаемое; оно изъ самого себя образуетъ свой корень, квадратъ, кубъ и другія степени; изъ него происходятъ всѣ числа, оно же не изъ одного не составлено. Въ своемъ троякомъ подраздѣленіи оно обращается въ число первое изъ многоугольныхъ чиселъ и изъ символа фигурнаго начертательнаго пространства. Разсматривая это съ другой точки зрѣнія, мы замѣтимъ, что эти же самые элементы, не перемѣняя своего порядка и расположенные по послѣдовательнымъ степенямъ, составляютъ въ мірѣ физическомъ и нравственномъ два разряда обратно прогрессивные и равномѣрные. Они представлены двумя равнобедренными трехъугольниками, обращенными другъ ко другу такъ, что вершина перваго опирается на основаніе втораго и обратно. Но и здѣсь еще неосязаемой постепенностію вы поднимаетесь до общаго отдѣленія

существъ: отъ бездѣйственной матеріи — до человѣка, отъ человѣка до — Бога. Если бы позволено было сравнивать эти нечестивыя воспоминанія съ книгами Св. Писанія, то вы нашли бы въ этой строгой средневѣковой аллегоріи и таинственную лѣстницу Іакова, и кольцо Платона, и золотую цѣпь старика Омира, хотя и не въ такой идеальной и поэтической формѣ, какъ въ Св. Писаніи.

Но даже самое поверхностное указаніе на эти первичныя начала пространной рамки, о которой мы представили только общую идею, повело бы насъ къ частностямъ и приведенію цифръ, что̀ утомило бы вниманіе и удалило бы насъ отъ нашей цѣли. Да, наконецъ, и трудно какъ слѣдуетъ представить такую сложную систему, не прибѣгая къ помощи синоптическихъ таблицъ и діограммовъ [21]). Эти идеи о скрытыхъ свойствахъ чиселъ, о математической пропорціональности тѣлъ и о гармоніи вселенной, о таинственномъ отношеніи между небомъ и землей, исчезая мало по малу, оставили неизгладимое впечатлѣніе какъ въ языкахъ мертвыхъ, такъ и въ нашихъ новѣйшихъ.

Подобное же явленіе мы усматриваемъ и въ мірѣ матеріальномъ: въ геологическихъ слояхъ, послѣ столькихъ переворотовъ на земномъ шарѣ, сохранилось для насъ вѣрное изображеніе прошедшаго. Идеи, о которыхъ мы выше говорили, заключали въ себѣ вѣчную задачу человѣческой судьбы и не все въ нихъ было иллюзіей;

всеобщность и глубокое укорененіе ихъ въ умахъ могутъ быть отчасти объясняемы тѣмъ обстоятельствомъ, что эти идеи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ составляютъ слабое отраженіе дѣйствительности, а отчасти и тѣмъ, что онѣ отвѣчаютъ нашимъ задушевнымъ чувствамъ и самому складу нашего ума. Въ теченіи многихъ вѣковъ онѣ оказывали неоспоримое вліяніе на политическія учрежденія, законодательство, формы религіозныхъ вѣрованій и обряды богослуженія, — вліяніе, имѣвшее своимъ результатомъ — или приближеніе къ истинѣ, или заблужденіе. Въ области же медицины эти идеи, въ связи съ астрологической теоріей о четырехъ подлунныхъ элементахъ и соотвѣтствующихъ имъ четырехъ темпераментахъ, — положили основаніе древнему ученію о климатерическихъ годахъ и критическихъ дняхъ (des années climatériques et des jours critiques). Наконецъ, по свидѣтельству Витрувія, ихъ еще можно отыскать въ правилахъ гражданской и церковной архитектуры. Чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, мы не будемъ распространяться ни о судебной астрологіи, съ ея безконечно-длинными вычисленіями и гороскопическими положеніями (thêmes généthliaques), ни объ Ариѳмансіи (Arithmancie), которая, будучи покровительствуема, подобно судебной астрологіи, суевѣріемъ какъ высшихъ классовъ общества, такъ и массою народа, не смотря на преслѣдованія пытки, начатыя со временъ Юстиніана, умѣла удержать полное господство надъ

умами даже въ послѣдніе годы, предшествовавшіе наступленію вѣка Людовика XIV [22]).

Въ теченіе всего разсмотрѣннаго нами періода времени, который оканчивается съ наступленіемъ эпохи, славной именами Декарта, Бэкона и Галилея, — приложенія науки о числахъ къ изслѣдованіямъ надъ фактами духовнаго и физическаго міровъ, — тогда очень часто смѣшивавшихся, — представляли характеръ, совершенно отличный отъ того, какой они приняли позднѣе.

65121

Пренебрегая точнымъ наблюденіемъ надъ явленіями, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя составляли основаніе математической астрономіи, тогдашніе мыслители и ученые старались схватить эти явленія прямо, въ ихъ принципѣ, силой одного мышленія и какого-то внутренняго духовнаго созерцанія. Они, безъ сомнѣнія, находили искомый принципъ, часто даже находили вмѣсто одного нѣсколько противорѣчащихъ и взаимно уничтожающихъ другъ друга принциповъ. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство не считалось у нихъ важнымъ, потому что въ Греціи, въ особенности въ первые вѣка ея существованія, когда въ научныхъ занятіяхъ была такая обильная примѣсь воображенія и поэзіи, — изящное расположеніе какой-либо системы и совершенное соотвѣтствіе всѣхъ ея частей, возбуждали не меньшій энтузіазмъ, какъ и самая вѣрность ея дѣйствительности.

Это стремленіе подчинить явленія предвзятымъ тео-

ріямъ встрѣчается не только въ такихъ вопросахъ, гдѣ наблюденіе представляетъ большія затрудненія, но и относительно такихъ фактовъ изъ міра физическаго, которые, безъ помощи всякихъ постороннихъ приборовъ, въ нѣсколько дней, даже въ нѣсколько часовъ, могутъ быть строго доказаны, и здѣсь вы найдете тоже невниманіе, тѣже ошибки. Весьма часто эти факты или значительно извращены, или совершенно ложны. Принимая ихъ въ данную минуту за точные, и исходя изъ тѣхъ же численныхъ данныхъ,—возьметесь-ли вы снова привести вычисленія? Напрасный трудъ! Ни одинъ изъ полученныхъ вами результатовъ не будетъ согласоваться съ тѣми, которые составляютъ самое основаніе теоріи. И на этой-то теоріи, предметѣ безпрерывныхъ комментаріевъ, догматически основалось множество тиранническихъ принциповъ, обрядовъ и всевозможныхъ предразсудковъ, которые въ теченіе слишкомъ двадцати вѣковъ, къ многочисленнымъ и нераздѣльнымъ отъ человѣческаго состоянія мученіямъ и заботамъ, — прибавили еще столько новыхъ, созданныхъ чисто однимъ воображеніемъ.

Тѣмъ не менѣе, спѣшимъ сказать, что съ нашей стороны было-бы сколько несправедливостью, столько же и невѣжествомъ, не признавать огромной услуги, оказанной греческой философіей нашей духовной цивилизаціи во всемъ, что касается изученія человѣческаго духа, его природы и способностей. Прошло двѣ тысячи лѣтъ, а правила мышленія, равно какъ и правила ве-

ликихъ литературныхъ произведеній, остались въ томъ же видѣ, въ какомъ были переданы намъ геніемъ Аристотеля. По всей вѣроятности, и въ будущемъ они испытаютъ также мало измѣненій, какъ и теоремы Эвклида [23]).

Яковъ Бернулли первый пытался приложить къ нравственнымъ наукамъ теорію вѣроятностей, созданную за пятьдесятъ лѣтъ до того геніемъ Паскаля и Ферма. Но, къ сожалѣнію, труды его по этому предмету остались неоконченными [24]).

Почти столѣтіе спустя, Кондорсэ, желая дать прочную основу своей будущей *Соціальной Математикѣ*, предназначавшейся пересоздать весь міръ, горячо преслѣдовалъ исполненіе проэкта Бернулли [25]). Затѣмъ съ теоретической стороны проэктъ Бернулли былъ впослѣдствіи разработываемъ съ большимъ успѣхомъ знаменитымъ авторомъ *Небесной Механики*, *Лапласомъ* [26]). Въ началѣ всѣ эти различныя попытки приложить численный методъ къ явленіямъ міра духовнаго, столь значительно содѣйствовавшія развитію высшей математики, мало обращали на себя вниманія посреди литературныхъ стремленій эпохи; но потомъ, когда, наконецъ, ихъ собрали всѣ вмѣстѣ, то онѣ возбудили въ современникахъ почтительное изумленіе [27]). До того времени всѣ ученые умы витали въ области чистаго умозрѣнія, а съ другой стороны безпредѣльно господствовали идеи 18-го вѣка, вмѣстѣ съ Кондильякомъ, Гельвеціусомъ, Каба-

нисомъ и энциклопедистами [28]). Трудныя философскія изученія еще не могли быть встрѣчаемы благосклонно, и въ то время едва предчувствовали движеніе спиритуалистической реакціи, которая означила вскорѣ съ такимъ блескомъ въ одной изъ нашихъ школъ—лучшемъ изъ дѣлъ имперіи,—новую организацію общественнаго образованія [29]).

Спустя девять лѣтъ по смерти Лапласа, предпринятые въ томъ же направленіи, труды одного изъ его достойнѣйшихъ учениковъ и послѣдователей встрѣтили въ умахъ современниковъ весьма различное расположеніе [30]). Сколько намъ помнится, труды эти имѣли предметомъ *Изслѣдованіе вѣроятностей судебныхъ рѣшеній* на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ *Отчетовъ уголовной администраціи* [31]).

Такого рода прогрессивное вторженіе алгебры въ область философіи начинало возбуждать нѣкоторое безпокойство и казалось небезопаснымъ для основъ человѣческой свободы. Еще задолго до того времени, безпокойство это было очень осторожно выражено въ рѣчи, сказанной Ройе-Колларомъ по случаю принятія его во французскую академію; затѣмъ оно было болѣе положительно высказано Кузэномъ въ законодательномъ собраніи, въ особенности же въ палатѣ пэровъ герцогомъ де Брольи, по случаю обсужденія новаго закона о присяжныхъ [32]). Наконецъ, оно возросло до такой степени, что вдругъ возбудило самыя оживленныя и достопамятныя

пренія въ продолженіи многихъ засѣданій французской академіи [33]). Противъ такого вторженія алгебры въ область нравственнаго знанія, которое не колеблясь назвали ложнымъ приложеніемъ математики, нѣкотораго рода умственной аберраціей,—были заявлены формальные протесты [34]). Одинъ изъ членовъ геометрическаго отдѣленія академіи, особенно свѣдущій въ философіи наукъ, спрашивалъ съ ироніей—не нужно-ли будетъ изобрѣсть еще второе исчисленіе вѣроятностей, для того, чтобы при помощи его увѣриться въ безошибочномъ употребленіи перваго [35]).

Съ самаго основанія академіи, даже не исключая знаменитаго спора Жофруа Сентъ-Илера съ Кювье о принципахъ зоологической философіи, никогда еще вопросъ о теоріи не былъ предметомъ такихъ важныхъ преній, какія были возбуждены вышеупомянутыми попытками приложенія численнаго анализа къ явленіямъ міра духовнаго. Защитники этого приложенія, хотя и не обнаружили той живости, съ какою вели нападеніе ихъ противники, тѣмъ не менѣе не показали недостатка ни въ прочныхъ аргументахъ, ни въ твердости. Поддерживаемые одобреніемъ многихъ членовъ академіи, они аппелировали къ суду будущаго. Начатые ими труды продолжались и вскорѣ послѣ того были обнародованы. Въ тоже время и медицинская академія отозвалась на возникшій споръ, который потомъ продолжался въ особыхъ изданіяхъ, особенно въ журна-

лахъ, посвященныхъ медицинскимъ наукамъ [36]). Эти ожесточенныя пренія и возбужденная въ періодическихъ изданіяхъ полемика принесли не малую пользу дѣлу: они возбудили всеобщее вниманіе къ статистическимъ трудамъ, больше ознакомили съ ними публику и, наконецъ, сообщили имъ рѣдкую въ подобнаго рода вопросахъ популярность въ литературномъ мірѣ [37]).

Всякій, кто не поддается предубѣжденію, порожденному однимъ словеснымъ сходствомъ, легко можетъ видѣть, что приложеніе теоріи вѣроятностей къ предметамъ міра нравственнаго не имѣетъ ничего общаго съ нравственной аналитикой въ томъ смыслѣ, въ какомъ она здѣсь понимается. Изъ того, что одинъ и тотъ-же предметъ изучается съ двухъ различныхъ сторонъ, и что обоего рода изученія употребляютъ своимъ орудіемъ цифры, нисколько не слѣдуетъ ни того, чтобъ эти цифры употреблялись одинаковымъ образомъ, ни того, чтобы предметъ разсматривался съ одной и той же точки зрѣнія.

Въ приложеніяхъ теоріи вѣроятностей къ нравственнымъ предметамъ, напр. при оцѣнкѣ правдивости свидѣтельскихъ показаній, судейскихъ рѣшеній, постановленій совѣщательныхъ или избирательныхъ собраній и т. п.,—отправляясь отъ элементарныхъ оцѣнокъ, по необходимости измѣнчивыхъ, неполныхъ и гипотетическихъ, стараются опредѣлить результаты всевозможныхъ комбинацій этихъ элементовъ. Ходъ и правильность са-

мыхъ вычисленій не могутъ подвергаться нападкамъ со стороны ихъ вѣрности,—остается только узнать, довольно-ли прочны ихъ основанія, и что не дадутъ-ли ихъ результаты того же, надъ чѣмъ производились эти вычисленія.

Нравственная аналитика имѣетъ совершенно отличный предметъ и методъ: она не ищетъ того, что должно быть, а опредѣляетъ (constate) то, что существуетъ.

Она вовсе не стремится опредѣлить численной величиной человѣческія дѣйствія, но не вслѣдствіе почтительной осторожности, какъ это нѣкоторые высказывали, или боязни вдаваться въ высшую сферу нравственной природы — въ наше время это было-бы слабой гарантіей противъ такого вторженія, еслибъ оно имѣлось въ виду, а просто потому, что по самой сущности это вещь абсолютно невозможная.

Въ самомъ дѣлѣ, если наибольшее, чего мы можемъ достигнуть при оцѣнкѣ нравственныхъ или умственныхъ качествъ, — заключается въ опредѣленіи порядка ихъ послѣдовательности и относительнаго господства для крайнихъ или особенно рѣзкихъ случаевъ, то становится положительно непонятнымъ — какимъ образомъ можно имѣть претензію придавать численныя величины тому, что, не соотвѣтствуя ничему чувственному, — не можетъ быть ни прямо отнесено ни къ одной изъ существующихъ единицъ измѣренія, ни косвенно приведено къ ней, какъ напримѣръ это дѣлается, когда

при измѣреніи пространства употребляются прерывныя числа.

Въ тѣхъ предметахъ, которые по самому существу своему неизбѣжно представляютъ нѣкотораго рода отвлеченный характеръ, и къ разряду коихъ можетъ быть отнесенъ и предметъ нашихъ разсужденій, можно безъ малѣйшей боязни представлять однѣ и тѣже идеи съ разныхъ сторонъ, такъ сказать обозрѣвать ихъ во всѣхъ ихъ значеніяхъ. На этомъ основаніи, послѣ сдѣланнаго нами историческаго отступленія, которое насъ тѣснѣе связало съ нашимъ предметомъ, мы снова, только съ другой точки зрѣнія, разсмотримъ нѣкоторыя изъ предъидущихъ разсужденій.

Изъ сдѣланнаго нами выше опредѣленія неизбѣжно слѣдуетъ, что нравственная аналитика, отличаясь совершенно отъ философіи въ собственномъ смыслѣ, имѣетъ предметомъ не внутренній, психологическій анализъ, который есть результатъ работы мысли, основывающейся на себѣ самой, но только изученіе чисто внѣшней дѣйствительности, или явленій, подлежащихъ наблюденію, на сколько они относятся, внѣ насъ самихъ, къ явленіямъ психологическимъ. Далекія отъ того, чтобы противополагаться одно другому, какъ этого можно было-бы опасаться, — эти два рода изученія, сходныя по ихъ предмету и различные по методу, взаимно дополняютъ и подкрѣпляютъ другъ друга.

Философія познаетъ, съ абсолютною достовѣрностью,

нравственныя и умственныя способности человѣка, природу и происхожденіе его идей, его чувства, наклонности, побужденія и малѣйшія дѣйствія. Но неужели можно довольствоваться простымъ перечнемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ двигателей, чувствъ и наклонностей, которые всѣ подвергались вашему ученому анализу? Неужели можетъ быть безъинтересно опредѣленіе относительной степени ихъ энергіи и ихъ дѣйствительной силы, обнаруживающейся при данныхъ обстоятельствахъ? Не въ этомъ-ли послѣднемъ и заключается самое важное знаніе, могущее быть практически полезнымъ для жизни? Что подумаютъ объ инженерѣ, который удовлетворился бы вполнѣ только тѣмъ, что, опредѣливъ число и направленіе силъ, дѣйствующихъ на какую либо матеріальную точку, вывелъ бы равнодѣйствующую простымъ приближеніемъ, не вычисляя относительной напряженности каждой силы. Между тѣмъ, именно такъ и поступаютъ нѣкоторые, даже замѣчательные ученые, въ области нравственныхъ и политическихъ наукъ. Исключительно занятые общими принципами и отвлеченными теоріями, они повидимому и не подозрѣваютъ, что могутъ параллельно существовать два рода изученія одного и того же предмета, весьма отличные другъ отъ друга и почти одинаково важные. Численное наблюденіе внѣшнихъ фактовъ природы, стремленіе отыскать для этихъ фактовъ среднее и крайнее положенія съ особой для нихъ номенклатурой и означеніями; потомъ открыть законъ развитія

членовъ посредствующихъ, положительныхъ и отрицательныхъ: всѣ эти странныя нововведенія имъ покажутся, безъ сомнѣнія, совершенно напрасными, весьма далекими отъ тѣхъ великихъ концепцій, въ которыхъ, при помощи какого-то духовнаго созерцанія, матеріальная дѣйствительность схвачена прямо въ ея принципѣ, безъ изученія подробностей. По ихъ мнѣнію, столь обширное знаніе, какъ нравственная антропологія, которой истинныя начала едва только начинаютъ собираться,—составится и мало по малу усовершенствуется какъ бы изъ себя самого, безъ этого страшнаго прибора изъ цифръ, единственно помощью внутренняго и уединеннаго размышленія. Будущее узнаетъ, на сколько основательны подобныя надежды.

Какъ только дѣло идетъ не о нашихъ отношеніяхъ къ намъ самимъ, не о нашихъ личныхъ обязанностяхъ, но единственно о нашихъ отношеніяхъ къ міру, посреди котораго мы призваны жить, то для насъ становится всего важнѣе не изученіе и познаніе того, что человѣкъ долженъ былъ бы или могъ бы дѣлать, но нѣчто совершенно отличное, именно: положительно, научно познакомиться съ тѣмъ, что онъ дѣйствительно дѣлаетъ. А этому философія никоимъ образомъ не можетъ насъ научить: это знаніе есть результатъ другаго рода изученій, не входящихъ въ ея область.

Если мы еще очень далеки отъ единства ученія въ одной изъ самыхъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ частей

основной изъ наукъ,—наукѣ о человѣкѣ, то будемъ надѣяться, что со временемъ можно будетъ достигнуть этого единства, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается исключительно внѣшняго наблюденія. Результаты новаго рода изысканій, всегда согласные между собою, потому что они суть выраженіе дѣйствительности, могутъ быть иногда дурно перетолкованы, но ни въ какомъ случаѣ и никогда они не должны были быть предметомъ опасенія ни для религіи, ни для философіи.

Нравственная аналитика, представляющая собою расширеніе личнаго опыта, подтвержденнаго числами, находится въ зависимости отъ методовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе нынѣ употребляются при изученіи метеорологіи, которая никогда не представляется въ законченной формѣ и совершенно исключаетъ гипотезы и произвольныя оцѣнки. Общіе результаты метеорологіи, отличаясь замѣчательнымъ постоянствомъ, и не менѣе истинные какъ и результаты математической физики, имѣютъ характеръ совершенно положительный и безличный. Ея первое условіе — оперировать только надъ точно опредѣленными элементами одного и того же рода, и въ особенности наблюдая, чтобъ они были собраны въ достаточно большомъ количествѣ для того, чтобы можно было изъ нихъ вывести средніе результаты, заключающіеся въ извѣстныхъ предѣлахъ приближенія. Соединеніе всѣхъ этихъ элементовъ, подвергнутыхъ многочисленнымъ повѣркамъ, контролированныхъ одинъ дру-

гимъ, требуетъ обширнѣйшихъ приготовительныхъ работъ, которыя, послѣ различныхъ преобразованій, не оставляютъ никакихъ слѣдовъ въ конечномъ результатѣ. Такимъ образомъ, громадныя геодезическія и гидрографическія работы, продолжавшіяся цѣлую четверть столѣтія, стоившія столькихъ усилій и издержекъ, считаемыхъ милльонами, резюмируются въ нѣсколькихъ листахъ топографическихъ рисунковъ, сопровождаемыхъ только знаками разстояній высоты или глубины. Въ нихъ съ перваго взгляда можно усмотрѣть обыкновенные, конечные результаты, не озабочиваясь страннымъ смѣшеніемъ средствъ, при помощи которыхъ они были получены, и даже не имѣя надобности понимать эти средства.

Если разсматривать идеи, чувства и умственныя способности, не въ ихъ принципѣ, который никогда не можетъ быть усвоенъ, но только въ ихъ внѣшнемъ проявленіи, насколько они въ этомъ послѣднемъ доступны прямому наблюденію, то наука, занимающаяся этимъ предметомъ, или, лучше сказать, этотъ методъ можетъ быть приложенъ ко всѣмъ фактамъ умственнаго и нравственнаго міра, не исключая и тѣхъ, которые относятся къ дѣятельности мысли. Кромѣ результатовъ, относящихся къ поступкамъ людей и дѣйствію ихъ страстей, она обнимаетъ еще, съ помощью особенныхъ означеній, логику, философію языка, произведенія литературы и изящныхъ искуствъ.

Нравственная статистика Англіи и Франціи составляетъ первый опытъ приложенія аналитики, основаннаго на вышеизложенныхъ началахъ [38]). Но какимъ образомъ подобная работа могла бы быть исполнена относительно другихъ частей аналитики, наприм., литературы и изящныхъ искусствъ? Было бы трудно удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ, не входя въ слишкомъ обширныя техническія подробности и не представляя, для примѣра, нѣкоторые изъ графическихъ результатовъ этихъ приложеній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не дать здѣсь объ нихъ хоть какое нибудь понятіе, для того, чтобы насъ не заподозрили въ присвоеніи себѣ плана работъ этого же рода, предпринятыхъ нынѣ заграницею, и которыя можетъ быть скоро будутъ обнародованы.

Въ уголовной статистикѣ весьма сложные элементарные факты относятся всегда съ одной стороны къ извѣстному числу различныхъ индивидуумовъ, обвиняемыхъ или жертвъ, съ другой — къ извѣстному числу фактовъ, дѣйствій, обстоятельствъ, которые, каждый отдѣльно, или соединенные въ извѣстныя группы, образуютъ совокупно единицу. Эти факты, расположенные неизбѣжно произвольнымъ образомъ для наименѣе характеристическихъ изъ нихъ, которые составляютъ всегда незначительную пропорцію съ цѣлымъ числомъ, эти факты, говоримъ мы, при помощи одного преимущества, заключающагося въ придаваемомъ имъ, значеніи, при-

нимаютъ характеръ однородности, которая облегчаетъ трудъ и не можетъ повредить результатамъ, если числа значительны. Напротивъ того, въ литературной статистикѣ, основные факты, то есть явленія мысли, относящіеся къ одному какому либо лицу, представляются намъ съ нѣкоторою послѣдовательностью и какъ бы заключающіеся одни въ другихъ: они, такъ сказать, кратны одни другимъ. Имѣя въ одно и тоже время и свои собственныя величины, и относительныя, они представляются, съ подчиненной точки зрѣнія, всегда соединенными, по отношенію къ формѣ, видоизмѣненію и качеству, съ отвлеченными элементами различнаго отъ нихъ порядка, и которые, относясь прямо къ сущности предмета или даже составляя ее, — не подлежатъ чувственному наблюденію и изученію и чужды всякой классификаціи, также точно какъ они чужды численной оцѣнки.

Понятно, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ оцѣнкѣ абсолютныхъ достоинствъ умственныхъ произведеній, взятыхъ каждое въ своемъ цѣломъ; эта оцѣнка, по самой природѣ вещей, будетъ всегда личной и независящей отъ чувства. Здѣсь рѣчь идетъ только объ ихъ относительномъ достоинствѣ или, лучше сказать, объ опредѣленіи ихъ особенныхъ (специфическихъ) характеровъ, на сколько они могутъ быть численно выражены и приведены, вмѣстѣ съ ихъ относительными значеніями, къ среднему типу, принимаемому за едини-

цу. Нѣсколько словъ о *литературной аналитикѣ* помогутъ намъ установить, и точно обозначить наши идеи и дополнить эти теоретическія разсужденія. Считаемъ излишнимъ предупреждать, что этотъ отдѣлъ нравственной аналитики—аналитика литературная,—совершенно отличается отъ *библіографической статистики*, имѣющей совершенно другое содержаніе, по крайней мѣрѣ съ той точки зрѣнія, съ какой она разсматривалась до настоящаго времени, и на основаніи которой библіографическая статистика очевидно входитъ въ область документальной статистики.

Приложеніе аналитики къ изслѣдованію литературныхъ произведеній породило бы совершенно новый родъ критики. Основанная исключительно на численномъ наблюденіи, эта критика имѣла бы своимъ отличительнымъ характеромъ независимость отъ личныхъ мнѣній и представляла бы результаты самаго строгаго безпристрастія. Разложивъ какое нибудь литературное произведеніе на его логическіе элементы и разсматривая эти элементы какъ съ ихъ матеріальной стороны, такъ и по отношенію къ выраженнымъ въ нихъ чувствамъ или идеаламъ, аналитика, при помощи обозначеній, соотвѣтствующихъ различнымъ идеологическимъ группамъ, придаетъ имъ нѣчто въ родѣ семейственнаго существованія, обособляетъ ихъ. Такимъ образомъ она даетъ намъ возможность узнать, съ различеніемъ или безъ различенія отечественнаго языка, законы развитія этихъ различныхъ

преобразованныхъ элементовъ, порядокъ ихъ послѣдовательности, ихъ относительно частое повтореніе, отношенія ихъ взаимной зависимости и совпаденія или противоположенія, или въ одномъ какомъ либо произведеніи, или въ цѣлой совокупности однородныхъ литературныхъ произведеній. Исключая единственно явленія органической физіологіи или простой фонаціи (образованіе голоса), она устанавливаетъ путемъ опыта, со всѣми разнообразіями синтаксиса идей, философскую физіологію языка [39]).

Принципъ соотношенія формъ, составляющій основаніе сравнительной анатоміи, проявляется и въ умственной организаціи, если можно такъ выразиться по аналогіи, также точно какъ онъ существуетъ и въ физіологической организаціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ одно и тоже время въ двухъ сферахъ, въ области духа и матеріи, мы находимъ одни и тѣже отношенія взаимной зависимости, — неизбѣжно проистекающей отъ единства устройства. Первый родъ отношеній— тотъ, который зависитъ отъ органовъ, — абсолютенъ и подлежитъ законамъ матеріальной природы; второй, относящійся къ умственнымъ способностямъ, находится въ безпрерывно измѣнчивыхъ пропорціяхъ, съ одной стороны подъ вліяніемъ тѣхъ же органическихъ условій и внѣшнихъ обстоятельствъ, а съ другой—подъ господствомъ воли, разсматриваемой не по отношенію къ ея настоящему дѣйствію, но относительно этого дѣйствія,

соединеннаго съ самимъ собою въ прошедшемъ, т. е. по отношенію къ этому дѣйствію воли, весьма измѣненному упражненіемъ и привычками. Коллективное дѣйствіе, производимое совокупностью всѣхъ этихъ различныхъ вліяній, проявляется съ постоянствомъ, существованіе котораго трудно даже предположить, но которое тѣмъ не менѣе несомнѣнно.

Если возможно опредѣлить съ точностью результаты отправленія каждой изъ духовныхъ способностей отдѣльно, то при неравномѣрномъ ихъ развитіи, эти способности, положительно или отрицательно, служатъ въ извѣстной степени взаимно другъ для друга признаками существованія ихъ въ духѣ человѣческомъ. Такимъ же образомъ въ физіологіи, въ особенности при ненормальномъ или болѣзненномъ состояніи, котораго причина часто бываетъ намъ неизвѣстна, одинъ порядокъ явленій служитъ указаніемъ существованія другаго; оба эти порядка явленій или могутъ быть непосредственно связаны между собою, или они соотвѣтствуютъ третьему, ускользающему отъ нашего наблюденія, и существованіе котораго они обнаруживаютъ.

Подобно тому, какъ положительно невозможно опредѣлить среднюю и вѣроятную жизнь какой либо общины, при помощи простаго чтенія метрическихъ актовъ, не прибѣгая къ приготовительнымъ работамъ, такъ точно невозможно познать вышеупомянутые элементы литературной аналитики въ ихъ первоначальной формѣ, по-

тому что для этого необходимо произвести цѣлый рядъ послѣдовательныхъ разложеній, дезагрегацій, и затѣмъ преобразовать ихъ при помощи вычисленія.

Результаты такого изученія этихъ элементовъ, изображенные наглядно кривыми и идеографическими знаками, образуютъ весьма любопытные ряды, въ коихъ помѣщаются индивидуальные типы, которые, весьма различествуя между собою, но отличаясь замѣтнымъ постоянствомъ для одного и того же автора, опредѣляютъ его *характеристику*, или, выражаясь точнѣе, его *духовную идіосинкразію*. Какой живой интересъ могли бы возбудить подобныя изученія, еслибъ ихъ приложить къ твореніямъ кого либо изъ нашихъ великихъ писателей двухъ послѣднихъ столѣтій, по сравненію съ знаменитѣйшими греческими и римскими классиками! Прослѣдя ихъ въ индивидуальныхъ разностяхъ и въ ихъ общемъ типѣ, мы могли бы составить себѣ понятіе объ отличительномъ характерѣ различныхъ эпохъ литературной цивилизаціи.

Начиная съ половины XIII столѣтія, мысль объ образованіи философскаго языка, который служилъ бы орудіемъ научнаго изученія, составляла предметъ стремленій какъ знаменитѣйшихъ умовъ, такъ и нѣкоторыхъ мечтателей. Авторъ *Ars magna*, Реймондъ Люлль (Raymond Lulle), составилъ обширную систему классификаціи идей, при помощи безконечно разнообразныхъ и часто весьма замѣчательныхъ сочетаній. Этимъ путемъ онъ

думалъ найдти средства къ открытію и доказательству всевозможныхъ истинъ въ мірѣ метафизическомъ. Позднѣе, многіе знаменитые ученые и почти всѣ математики: Бэконъ, въ своемъ сочиненіи *De augmentis scientiarum*, Уилькинсъ, епископъ честерскій, неутомимый П. Кирхеръ, Валлисъ, Дальгарно-Оксфордскій, Робертъ Гукъ, авторъ философской алгебры, Воссіусъ, Бехеръ, Декартъ и наконецъ Лейбницъ, — подъ различными названіями, но всегда безуспѣшно, занимались тѣмъ же предметомъ [40]).

Какъ вслѣдствіе ложной аналогіи, всѣ возраженія противъ приложенія теоріи вѣроятностей къ нравственнымъ наукамъ распространились и на нравственную аналитику, которая вовсе не пользуется этимъ исчисленіемъ; такъ, съ другой стороны, тѣже затрудненія, которыя въ XIII вѣкѣ воспрепятствовали установленію философскаго языка, очень естественно могутъ быть приведены для доказательства, что какая бы то ни была система, на которой основана нравственная аналитика, — ложна въ своемъ принципѣ, и такимъ образомъ нравственная аналитика заранѣе будетъ осуждена. Но это значило бы судить по наружности и безъ всякаго анализа. Различные роды философскихъ языковъ или всеобщей характеристики, прямыя орудія діалектики, имѣютъ существеннымъ предметомъ своимъ приложеніе способностей мышленія къ открытію истинъ въ дедуктивныхъ наукахъ. Литературная аналитика, напротивъ того, не отыскивая истинъ и не занимаясь идеями ни

по отношенію къ нимъ самимъ, ни ихъ вѣрностью, ни точностью ихъ отношеній, имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе результатовъ, производимыхъ упражненіемъ, хорошо или дурно направленнымъ; не только способностей сужденія, но и всѣхъ другихъ способностей души, на сколько эти результаты могутъ быть выражены въ рѣчи (языкѣ). Такимъ образомъ и возраженія противъ изысканій перваго рода никакимъ образомъ не могутъ быть приводимы къ изслѣдованіямъ втораго рода. Не смотря на нѣкоторое сходство, позднѣйшіе труды ученаго геометра Де-Моргана (M. de-Morgan) объ обозначеніяхъ формальной логики, сэра Уильямса Гамильтона и М. В. Томсона о томъ же, и, наконецъ, прекрасныя изслѣдованія Г. Буля надъ приложеніемъ математическаго анализа къ законамъ мысли,—не имѣютъ ничего общаго съ литературной аналитикою, которой исключительно описательный характеръ простаго изложенія результатовъ, не представляетъ рѣшительно ничего дидактическаго.

Въ настоящее время мы имѣемъ только несовершенныя попытки нравственной аналитики. Ихъ нужно еще установить или, по крайней мѣрѣ, регулировать сообразно съ указаніями опыта: и принципы, и методы, и техническую часть, относящіеся къ приготовительнымъ работамъ списковъ, анализа и приведенія. Но какъ бы сложны и обширны ни были эти работы, почти неисполнимыя безъ помощи механическихъ средствъ,

ихъ окончательный результатъ, выраженный графически на нѣсколькихъ листахъ, будетъ тѣмъ не менѣе отличаться крайнею простотою. И почему изученіе нравственныхъ наукъ не можетъ отличаться той же строгостью и той же мужественною настойчивостью?.. Трое изъ нашихъ современниковъ, члены французской академіи, вслѣдствіе разнообразія познаній какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ точныхъ, но болѣе всего вслѣдствіе одинаковаго направленія ихъ ума и характера нѣкоторыхъ изъ ихъ трудовъ, особенно содѣйствовали созданію литературной аналитики. Эти просвѣщенные ученые, которымъ мы обязаны въ короткій промежутокъ времени „Опытомъ философіи наукъ“, „Мемуарами о толкованіи гіероглифовъ“, и „Аналитической машиною“ — суть: Амперъ, докторъ Томасъ Юнгъ и Шарль Бабеджъ.

И такъ мы видимъ, что изъ всѣхъ возраженій, которыя могли бы встрѣтиться противъ аналитики въ ея различныхъ приложеніяхъ, нѣтъ ни одного, которое не сводилось бы къ незнанію или непониманію вышеизложенныхъ принциповъ. Брать за основаніе точно опредѣленные и ощутительные однородные факты — теоретически говоря, ничего не можетъ быть проще. Но въ дѣйствительности и при выполненіи самаго труда, — выходитъ нѣчто другое: со всѣхъ сторонъ встрѣчаются затрудненія, между которыми легко сбиться съ истины. Выборъ элементовъ, оцѣнка ихъ отношеній подобія (ана-

логіи)--требуютъ значительной опытности, самаго усерднаго вниманія, и въ заключеніе не представляютъ другихъ гарантій на успѣхъ, какія вытекаютъ изъ личныхъ условій, сопровождающихъ дѣятельность ученаго, и довѣрія, которое онъ къ себѣ внушаетъ. Въ заключеніе, аналитика, какъ и геометрія, не свободна отъ ошибочныхъ сужденій и приложеній. Орудіе не можетъ быть отвѣтственнымъ за ложное направленіе, внушенное ему управляющей имъ рукой.

Около эпохи Людовика XIV, и даже отчасти въ продолженіе слѣдующаго періода, во Франціи часто издавались объемистые трактаты, въ которыхъ весьма методически излагалась совокупность всѣхъ правилъ и пріемовъ для сочиненія, по желанію каждаго, прекраснѣйшихъ твореній во всѣхъ родахъ высшей литературы. Тоже самое начинаютъ дѣлать и въ наше время, но только, конечно, не для литературныхъ работъ, а для научныхъ изслѣдованій. То, установивъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ естествознанія новые принципы, новыя ученія, вамъ совѣтуютъ предпринять для ихъ доказательства рядъ опытовъ, которые должны васъ привести къ важнымъ открытіямъ; то, въ наукахъ относящихся къ общественной экономіи, и притомъ въ вопросахъ первостепенной важности, вамъ изложатъ на нѣсколькихъ страницахъ планы изысканій, которыя часто, если къ несчастью не бываютъ совершенно неисполнимы, то даютъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изслѣдованіе цѣлой администраціи.

Изъ всѣхъ явленій нравственнаго міра, наиболѣе вредныя для общества, но познаніе которыхъ представляетъ наибольшій интересъ, и которыя должны вообще быть какъ можно лучше констатированы, — суть преступленія. Офиціальные документы судебной статистики Франціи и Англіи неоспоримо занимаютъ первое мѣсто въ ряду подобныхъ трудовъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Поэтому естественно, что первое приложеніе нравственной аналитики имѣло предметомъ своимъ сравнительную уголовную статистику этихъ двухъ государствъ.

Каждое изъ приложеній статистики, подобно трудамъ историческимъ и археологическимъ, требуетъ особыхъ знаній, приготовительныхъ и спеціальныхъ занятій, безъ чего легко можно впасть въ самыя грубыя и странныя заблужденія.

Ограничиваясь заимствованіемъ простыхъ численныхъ переписей, классифицируя ихъ, переписывая и соединяя въ группы,—какимъ образомъ одно и тоже лицо могло бы одновременно понимать въ безконечномъ разнообразіи тѣ предметы, которыми занимается статистика народонаселенія, морская, военная, юридическая или финансовая? И безъ помощи глубокихъ размышленій можно узнать, что причины ошибокъ, свойственныхъ напримѣръ статистики таможенной и земледѣльческой, не имѣютъ ничего общаго съ причинами ошибокъ въ статистикѣ подкидышей, народнаго образованія или уголовной [41]).

Эта необходимость сосредоточиться на какомъ либо опредѣленномъ родѣ изслѣдованій, становится еще болѣе настоятельной, когда дѣло идетъ о статистикѣ нравственной и объ установленіи сравненія между двумя столь различными странами, каковы Франція и Англія [42]).

НРАВСТВЕННАЯ

СТАТИСТИКА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

М. ДРОБИША.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ Н. И. ЛАМАНСКАГО.

—

1867.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ природѣ *ничто* не происходитъ *случайно*; напротивъ, всякое появленіе и исчезаніе чего бы то ни было, всякая перемѣна — *необходимое послѣдствіе дѣйствующихъ причинъ*; этотъ принципъ, нынѣ признаваемый всѣми, далъ возможность съ точностью объяснить очень многія явленія природы, что̀ и послужило ему блестящимъ подтвержденіемъ; вообще, при постоянно подвигающемся впередъ изслѣдованіи природы, при которомъ онъ, въ числѣ прочихъ, играетъ очень значительную роль, истинность его становится все болѣе и болѣе несомнѣнною. Однакоже тотъ, кто безъ всякаго ограниченія считаетъ *самые законы природы — необходимыми законами*, заходитъ слишкомъ далеко. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что хотя всѣ *эмпирическіе* законы природы, найденные посредствомъ наблюденія и наведенія, и могутъ считаться *общими и не допускающими исключеній правилами*, доказывающими, что извѣстныя группы разнообразныхъ или измѣнчивыхъ явленій связаны постоянными соотно-

шеніями; однако эти соотношенія, эту связь — мы пока должны признать только *фактическими, а не необходимыми*; поэтому и самый законъ тоже можетъ имѣть *только* фактическое значеніе. Значеніе же необходимости онъ получаетъ только въ такомъ случаѣ, если удастся доказать, что выражаемая имъ связь явленій составляетъ необходимое слѣдствіе комбинацій извѣстныхъ совмѣстно дѣйствующихъ причинъ. Такъ, наприм., законы Кеплера до тѣхъ поръ были только *фактически* вѣрными общими правилами планетнаго движенія, пока Ньютонъ не доказалъ, что они составляютъ необходимыя слѣдствія совмѣстнаго дѣйствія притягательной силы солнца и прямолинейнаго, равномѣрнаго движенія, первоначально сообщеннаго планетамъ, и отличающагося направленіемъ и силой отъ названнаго только что притяженія. Чрезъ это законы *Кеплера* получили значеніе *необходимости*, но *Ньютоновъ* законъ тяготѣнія, по которому, какъ извѣстно, всѣ небесныя тѣла притягиваютъ другъ друга съ силой, прямо пропорціональной ихъ массамъ, и обратно пропорціональной квадратамъ ихъ разстояній, — до сихъ поръ не имѣетъ *необходимаго* значенія, а только *фактическое*, потому что никто еще не объяснилъ, при какихъ условіяхъ вообще матеріальныя частицы должны притягиваться, при какихъ—отталкиваться; не доказано также, что *если* имѣетъ мѣсто притяженіе, то оно *не можетъ* дѣйствовать *иначе*, нежели дѣйствуетъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ

случаяхъ. Во многихъ же отрасляхъ естественныхъ наукъ до сихъ поръ еще не удалось сдѣлать даже подобную дедукцію необходимости эмпирическихъ законовъ; а вездѣ, гдѣ это удалось, высшіе законы, изъ которыхъ эмпирическіе необходимо слѣдуютъ, имѣютъ не необходимое значеніе, а только фактическое, основанное на согласіи выводимыхъ изъ нихъ слѣдствій съ дѣйствительными явленіями. Правда, въ другомъ смыслѣ ихъ можно назвать необходимыми. Ихъ можно назвать *необходимыми предположеніями*, безъ которыхъ вопросъ, *почему* явленія подчинены именно *этимъ* эмпирическимъ законамъ, остался бы безъ отвѣта. Но *эта* необходимость только субъективная и относительная, а не объективная и безусловная; она имѣетъ значеніе только для *насъ*; она дѣлаетъ понятною нашему мышленію ту удивительную правильность, которую эмпирическій законъ показываетъ на всѣхъ явленіяхъ, — но не даетъ намъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы тѣ причины и силы, принятіемъ которыхъ мы удовлетворяемъ требованіямъ нашего мышленія, постоянно спрашивающаго *почему*,—*не могли дѣйствовать иначе*, нежели дѣйствуютъ на самомъ дѣлѣ, и чтобы, слѣдовательно, законъ ихъ дѣйствія имѣлъ *внутреннюю необходимость*. Математическая динамика, на которую должны сводиться всѣ естественно-историческія теоріи, и которая составляетъ для нихъ высшую, послѣднюю инстанцію, можетъ же съ такою же точностью и вѣрностью вычи-

слить движенія, которыя необходимо должны были бы послѣдовать, если бы силы дѣйствовали по законамъ, вовсе не наблюдаемымъ въ природѣ,—съ какой она выводитъ данныя, наблюдаемыя движенія изъ силъ, законы которыхъ основываются на дѣйствительныхъ явленіяхъ; она умѣетъ не только выводить пути *дѣйствительно* описываемые планетами изъ Ньютонова закона тяготѣнія, какъ необходимое слѣдствіе его; но и опредѣлять *тѣ* пути, по которымъ планеты *должны были бы* двигаться, *еслибъ* они притягивались солнцемъ, наприм. прямо пропорціонально разстояніямъ, или обратно пропорціонально ихъ кубамъ. И такъ, для общей математической динамики законъ тяготѣнія—только одинъ случай изъ числа безконечнаго множества другихъ, равно мыслимыхъ предположеній, и потому совершенно невозможно предположить, чтобъ эта наука сдѣлала хоть малѣйшую попытку доказать внутреннюю необходимость закона тяготѣнія. Съ другой стороны, этотъ законъ, съ естественно-исторической точки зрѣнія, можно разсматривать какъ высшую *проблему*, разрѣшеніе которой однако до сихъ поръ по большей части предоставлялось однимъ метафизикамъ (*).

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, естествознаніе, даже и въ наиболѣе разработанныхъ отрасляхъ

(*) Однако этой проблемой занимались уже Ньютонъ (optices lib. III, quaest. 21) и Эйлеръ (Theoria motus corporum solidorum, introd. cap. 4, § 184).

своихъ, можетъ сказать только: явленія смѣняются такъ, какъ это *должно* имѣть мѣсто, *если* предположимъ, что существуютъ силы дѣйствующія, смотря по особенностямъ явленій, по тому или другому закону. Но откуда происходятъ эти силы, и почему ихъ дѣятельность подчинена этимъ законамъ, а не какимъ нибудь другимъ, — мы не знаемъ. Итакъ, естественная исторія, повторяемъ снова, *не* знаетъ *абсолютныхъ законовъ, которые были бы необходимы сами по себѣ*, а только частью—эмпирическіе, подводящіе данныя явленія подъ общія положенія, частью—же такіе, которые гипотетически предполагаются, чтобъ имѣть возможность вывести эти эмпирическіе законы изъ высшихъ причинъ (*).

Если же мы съ точки зрѣнія натуралиста, воздерживающагося отъ всякихъ метафизическихъ умозрѣній, и придерживающагося только формально-логическаго и математическаго метода мышленія, можемъ говорить только объ *относительно-необходимой* связи явленій природы, то, съ другой стороны, намъ придется признать въ природѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и нѣкоторую *случайность*. Я говорю о той случайности, которая такъ часто обнаруживается въ совпаденіи различныхъ событій, хотя каждое отдѣльное явленіе и имѣетъ

(*) Болѣе подробно авторъ говоритъ о законахъ природы и ихъ причинахъ въ программѣ «de philosophia scientiae naturalinsita». Leipzig. 1864, Pernitzsch.

свои ближайшія и болѣе отдаленныя причины, но причины одновременно происходящихъ событій часто не имѣютъ между собою ни малѣйшей связи, или по крайней мѣрѣ общая ихъ исходная точка относится къ такому далекому прошедшему, что мы должны считать тѣ цѣпи явленій, послѣдними звеньями которыхъ являются намъ упомянутыя событія, не находящимися ни въ какой связи между собою. Такъ, мы называемъ случайностью совпаденіе смерти или рожденія какого нибудь великаго человѣка съ однимъ изъ болѣе рѣдкихъ небесныхъ явленій (какъ напр. дня смерти Канта, 12 февраля 1804 г. — съ солнечнымъ затмѣніемъ, или года рожденія Наполеона и Веллингтона, Кювье и А. Гумбольдта, 1769 г., — съ прохожденіемъ Венеры передъ солнцемъ). Точно также мы говоримъ о несчастномъ случаѣ, когда поднимается сильный вѣтеръ по направленію къ деревнѣ, именно въ то самое время, когда вслѣдствіе забавы дѣтей со спичками, загорѣлась соломенная крыша сарая, стоящаго на самомъ краю этой деревнѣ, отъ чего вся деревня дѣлается жертвой огня. Эта случайность имѣетъ мѣсто и при извѣстномъ родѣ эмпирическихъ законовъ, существенно отличныхъ отъ тѣхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили. Послѣдніе мы опредѣлили, какъ общія правила, оправдывающіяся при всѣхъ входящихъ въ кругъ ихъ дѣйствія случаяхъ, изъ которыхъ каждый, сохраняя свою индивидуальность, сообразуется съ выведеннымъ разъ навсегда

правиломъ. Напр., по какому бы направленію свѣтлый лучъ ни проникалъ въ преломляющую среду, всегда синусъ его угла паденія находится въ постоянномъ отношеніи къ его углу преломленія; вода—все равно, возмемъ ли мы ее въ большомъ или маломъ количествѣ—все-таки будетъ состоять, по вѣсу, изъ осьми частей кислорода и одной части водорода, а по объему—изъ одной части кислорода и двухъ частей водорода, и т. д. Но есть и другіе эмпирическіе законы, имѣющіе значеніе вовсе не для каждаго отдѣльнаго случая, а только для *средняго, выведеннаго изъ большаго числа случаевъ*. Сюда относится, напр., законъ вращенія вѣтровъ, по которому въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія земли вѣтеръ мѣняется въ такомъ порядкѣ: ю., з., с., в.-ю., между тѣмъ какъ на южномъ полушаріи порядокъ обратный. Точно также, законъ смертности опредѣляетъ предполагаемую или ожидаемую для всякаго возраста продолжительность жизни, но только для *средняго* человѣка даннаго возраста. Въ строгомъ смыслѣ даже Кеплеровы законы относятся сюда же, потому что они опредѣляютъ только *средніе* пути движенія планетъ, отъ которыхъ послѣднія постоянно уклоняются, то въ ту, то въ другую сторону. Въ данномъ случаѣ эти отступленія объясняются высшимъ закономъ всеобщаго тяготѣнія, по которому не только солнце и планеты взаимно притягиваются, но и послѣднія притягиваютъ другъ друга. Если же исключить эти частныя

притяженія, и принять въ разсчетъ, что массы планетъ очень малы въ сравненіи съ массой солнца, то получится чистое эллиптическое движеніе по неизмѣннымъ путямъ. Поэтому здѣсь слѣдуетъ различать, съ одной стороны—постоянную причину законности въ движеніи планетъ, взятомъ во всей его цѣлости, причину, зависящую отъ такого значительнаго преобладанія притягательной силы солнца; съ другой — *измѣнчивыя* или *случайныя* причины уклоненій. отъ среднихъ путей, зависящія отъ измѣняющихся взаимныхъ положеній планетъ, и отъ большаго неравенства ихъ массъ. Но здѣсь и эти случайныя причины подчинены тому же высшему закону, какъ и постоянная причина (потому что и такъ называемыя пертурбаціи объясняются тѣмъ же закономъ тяготѣнія); поэтому здѣсь *ничто* не является *случайнымъ*, и для всякаго даннаго момента можно вычислить впередъ уклоненіе планеты отъ средняго ея пути. Но нельзя того же сказать о направленіи вѣтровъ, хотя ихъ измѣненія, вообще говоря, и подчинены закону вращенія. Общая причина вѣтровъ — нарушеніе равновѣсія атмосферы. Это нарушеніе частью составляетъ слѣдствіе солнечнаго и луннаго притяженій, производящихъ въ атмосферѣ настоящій приливъ и отливъ, частью же происходитъ отъ неравномѣрнаго нагрѣванія земной поверхности солнцемъ, подверженнаго суточнымъ и годовымъ измѣненіямъ, и еще видоизмѣняемаго, самымъ различнымъ образомъ, неодинаковой способностью суши

и моря къ нагрѣванію и охлажденію, разнообразными почвенными условіями, общимъ видомъ, возвышеніями и углубленіями данной страны и т. д. Направленіе вѣтровъ зависитъ еще отъ одного, чрезвычайно важнаго, обстоятельства — отъ вращенія земли вокругъ оси, вслѣдствіе котораго скорость вращенія воздушныхъ частицъ съ запада на востокъ уменьшается съ приближеніемъ къ полюсу. Всѣ эти причины, изъ которыхъ однѣ — постоянны, а другія дѣйствуютъ періодически, обусловливаютъ правильность, замѣчаемую нами въ направленіи вѣтровъ и его измѣненіяхъ. Но правильность эта только тамъ является намъ *недопускающею исключеній*, гдѣ одна изъ этихъ причинъ значительно перевѣшиваетъ всѣ другія, какъ наприм. при пассатахъ, муссонахъ и ежедневныхъ перемѣнахъ направленія вѣтра — съ моря и съ суши — замѣчаемыхъ на морскихъ берегахъ. Тамъ же, гдѣ имѣетъ мѣсто *не постоянное* преобладаніе одной изъ этихъ причинъ, а только временное, періодическое, и болѣе или менѣе продолжительное, мы хотя и замѣчаемъ еще не совсѣмъ уже ясныя проявленія правильности, если беремъ всѣ случаи вмѣстѣ, или, что̀ все равно, *средній* случай, но отдѣльные случаи представляютъ многочисленныя исключенія изъ этого правила. Исключенія эти, однакоже, могутъ происходить и отъ другихъ причинъ, не постоянныхъ и не періодическихъ, и не поддающихся законному опредѣленію, а слѣдовательно и вычисленію впередъ. Такія

случайныя причины суть, наприм. для вѣтровъ: уменьшеніе или увеличеніе протяженія ледяныхъ полей въ полярныхъ странахъ, отдѣленіе отъ нихъ ледяныхъ горъ, тающихъ и испаряющихся потомъ въ болѣе теплыхъ мѣстахъ, вулканическія изверженія, землетрясенія и проч. Даже человѣкъ очень замѣтнымъ образомъ видоизмѣняетъ естественный ходъ вещей. Истребленіе лѣсовъ, осушеніе болотъ и озеръ измѣняетъ климатъ, условія температуры и влажности данной страны, а слѣд. и воздушные токи; всякій городъ, и даже всякая деревня производятъ измѣненія въ нагрѣваніи атмосферы; всякій пожаръ причиняетъ мѣстныя воздушныя теченія, и т. д. Совпаденіе такихъ случайныхъ причинъ съ постоянными и періодическими, отъ которыхъ онѣ вовсе не зависятъ, можетъ быть названо *случайнымъ*, въ объясненномъ выше смыслѣ, ни мало ни касаясь истинности того положенія, что въ природѣ ничто не происходитъ случайно.

Но сліяніе (совмѣстное дѣйствіе) постоянныхъ и случайныхъ причинъ можно пояснить гораздо проще, нежели на такихъ сложныхъ и запутанныхъ явленіяхъ природы, — слѣдующимъ общеизвѣстнымъ примѣромъ, въ которомъ извѣстны всѣ дѣйствующія причины. Предположимъ, что цилиндрическій сосудъ содержитъ неизвѣстное число ($=a$) бѣлыхъ, и неизвѣстное же число ($=b$) черныхъ, но во всемъ остальномъ совершенно сходныхъ съ бѣлыми, шаровъ, тщательно перемѣшан-

ныхъ между собою, слѣд. *не* расположенныхъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ, зависящимъ отъ какого либо правила, порядкѣ или положеніи. Теперь вынемъ изъ сосуда, не смотря на него, одинъ шаръ; запишемъ какого онъ цвѣта, и снова бросимъ его въ сосудъ; потомъ, опять перемѣшавши всѣ шары, вынемъ еще одинъ, запишемъ его цвѣтъ, бросимъ его назадъ, перемѣшаемъ шары, и т. д.; повторимъ эту процедуру множество разъ. Тогда цвѣта вынимаемыхъ шаровъ, конечно, будутъ смѣняться безъ всякой правильности: то будутъ выходить бѣлые и черные шары по одному, то по нѣскольку сряду, и т. д. Но чѣмъ больше будетъ число вынутыхъ шаровъ, тѣмъ болѣе *отношеніе* между числомъ бѣлыхъ и черныхъ будетъ приближаться къ отношенію чиселъ a и b, въ какомъ, по условію, находятся въ сосудѣ бѣлые и черные шары; слѣд. изъ полученнаго отношенія между собою вынутыхъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ можно будетъ заключить, что числа содержащихся въ сосудѣ шаровъ того и другаго цвѣта находятся приблизительно въ томъ же отношеніи, хотя само собою разумѣется, что абсолютное число этихъ шаровъ остается неизвѣстнымъ. Напр. если изъ ста вынутыхъ шаровъ оказался 71 бѣлый и 29 черныхъ, то отношеніе послѣднихъ къ первымъ равно

$$29 : 71 = 1 : 2{,}448.$$

Если же послѣ 300 вынутій число бѣлыхъ шаровъ

оказалось = 231, а число черныхъ = 69, то отношеніе черныхъ къ бѣлымъ равно

$$69 : 231 = 1 : 3{,}347;$$

если изъ 500 шаровъ было 373 бѣлыхъ и 127 черныхъ, то отношеніе будетъ

$$127 : 373 = 1 : 2{,}937;$$

если, наконецъ, 700 вынутій дали 524 бѣлыхъ, и 176 черныхъ шаровъ, причемъ, значитъ, отношеніе послѣднихъ къ первымъ выразится

$$176 : 524 = 1 : 2{,}977, —$$

то можно съ большой вѣроятностью заключить, что въ сосудѣ втрое больше бѣлыхъ шаровъ, нежели черныхъ, потому что знаменатель перваго отношенія — на 0,552 меньше трехъ, знаменатель втораго — на 0,347 больше этого числа, третьяго — на 0,063 меньше, а четвертаго — только на 0,023 меньше 3; такъ что отношеніе числа вынутыхъ черныхъ шаровъ къ числу вынутыхъ бѣлыхъ все болѣе и болѣе приближается къ отношенію = 1 : 3.

Это мало по малу обнаруживающееся постоянство отношенія между числами шаровъ того и другаго цвѣта такъ же легко объяснить, какъ и полное отсутствіе всякой правильности въ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ одинъ за другимъ цвѣта вынимаемыхъ шаровъ.

Дѣйствительно, цвѣтъ всякаго изъ послѣднихъ обу-

словливается: 1) порядкомъ, въ какомъ черные и бѣлые шары располагаются въ сосудѣ передъ каждымъ вынутіемъ, и 2) направленіемъ руки, схватывающей одинъ изъ нихъ. Слѣд. вовсе не *случайное* дѣло, какого цвѣта будетъ вынутый шаръ; напротивъ, это опредѣляется приведенными выше двумя условіями *съ полной необходимостью*. *Предсказать* же этотъ цвѣтъ *нельзя*, потому что ни между различными послѣдовательными расположеніями шаровъ того или другаго цвѣта въ сосудѣ, ни между послѣдовательными направленіями хватающей руки нѣтъ законнаго соотношенія или связи, а напротивъ того, какъ то, такъ и другое *не подчинены никакому правилу*. Еще менѣе связи можно найдти между положеніемъ отдѣльныхъ рядовъ шаровъ и направленіемъ руки, берущей шаръ изъ такого ряда. Поэтому, результата всякаго отдѣльнаго вынутія и тогда еще нельзя было бы предвидѣть, если бы даже рука нарочно и постоянно сохраняла разъ принятое направленіе, или же измѣняла его въ опредѣленномъ порядкѣ; потому что тогда все-таки бы осталась неправильность послѣдовательныхъ положеній, принимаемыхъ шарами. И такъ, ни мало не отрицая признанной уже необходимой зависимости цвѣта вынимаемыхъ шаровъ отъ объясненныхъ выше условій, все-таки можно сказать, въ другомъ смыслѣ, о которомъ я тоже уже говорилъ, что цвѣтъ вынутаго шара — дѣло *случая*. Быть можетъ должно бы полагать, что эту случайность, состав-

ляющую какъ бы остатокъ по исключеніи того, что въ данномъ случаѣ подлежитъ законной необходимости, что эту случайность, говорю я, можно отнести на счетъ *произвола*, повидимому имѣющаго мѣсто при перемѣшиваніи шаровъ, хотя бы выниманіе ихъ и слѣдовало опредѣленному правилу. Но очень легко измѣнить весь процессъ вынимания такимъ образомъ, что всякій человѣческій произволъ останется при этомъ въ сторонѣ. Возьмите вмѣсто сосуда цилиндрическій барабанъ, вращающійся вокругъ горизонтальной оси, и имѣющій въ одномъ мѣстѣ своей цилиндрической поверхности круглое отверстіе, закрываемое такой же пластинкой, и достаточно широкое для прохожденія чрезъ него одного шара. Постановите, чтобы перемѣшиваніе шаровъ всякій разъ производилось однимъ и тѣмъ же числомъ оборотовъ, напр. 10-ю, и чтобы въ концѣ каждаго оборота, а слѣд. и послѣдняго, закрытое отверстіе приходилось въ самомъ низу барабана. Теперь отодвиньте пластинку такимъ образомъ, чтобъ изъ барабана выпалъ только одинъ шаръ; закройте отверстіе снова, переведите его, посредствомъ полуоборота барабана, на самый верхъ послѣдняго, уроните въ него шаръ, предварительно записавъ его цвѣтъ, и оберните барабанъ еще $9\frac{1}{2}$ разъ; потомъ выньте изъ него, тѣмъ же способомъ, еще шаръ, и т. д.

Здѣсь устраненъ всякій произволъ, но результатъ вынутій долженъ быть, и будетъ, совершенно тотъ же,

что и при перемѣшиваніи и выниманіи рукой. При всей неправильности послѣдовательныхъ расположеній шаровъ, послѣдніе все-таки имѣютъ одинъ *постоянный* элементъ — неизмѣнное число ихъ какъ общее такъ и число тѣхъ, которые окрашены въ тотъ или другой цвѣтъ. А такъ какъ всѣ прочія условія и свойства шаровъ, какъ напр. ихъ величина, вѣсъ, гладкость поверхности и т. д., предполагаются совершенно одинаковыми, то при бо́льшомъ числѣ вынутій этотъ постоянный элементъ долженъ проявиться въ *постоянномъ* дѣйствіи; потому что нѣтъ причины предполагать, чтобы при частомъ повтореніи опыта на томъ мѣстѣ, гдѣ при первомъ способѣ приходится хватающая рука, а при второмъ — отверстіе барабана, бо́льшее число разъ находились шары одного изъ двухъ цвѣтовъ, нежели того требуетъ отношеніе, въ какомъ находятся абсолютныя числа обоихъ шаровъ. Если бы было не такъ, то это бы значило, что дѣйствуетъ еще какая-либо другая побочная причина, способствующая вынутію шаровъ одного цвѣта предпочтительно предъ другими, что̀ несогласно съ предположеніемъ. И такъ, цвѣтъ каждаго отдѣльнаго вынимаемаго шара опредѣляется: 1) *постоянной* причиной—неизмѣннымъ числомъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ, и 2) *измѣняющейся, безъ всякой правильности, случайной* причиной, — случайнымъ совпаденіемъ бѣлаго или чернаго шара съ хватающей рукой, или съ отверстіемъ барабана. И хотя бѣлый и черный

цвѣта въ каждомъ *отдѣльномъ* случаѣ *равно возможны*, однако при *большомъ числѣ случаевъ*, если число шаровъ того и другаго цвѣта *неодинаково*, это неравенство непремѣнно должно проявиться въ численномъ отношеніи вынутыхъ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ. Но здѣсь нельзя сказать, чтобы дѣйствіе случайныхъ причинъ *исчезало* въ сравненіи съ дѣйствіемъ постоянныхъ, или чтобы дѣйствія различныхъ причинъ взаимно *уравновѣшивались*. Напротивъ, ихъ можно очень явственно *наблюдать* на послѣдовательныхъ смѣнахъ обоихъ цвѣтовъ, смѣнахъ, лишенныхъ всякой правильности; но только ихъ никакъ нельзя привести въ какое нибудь законное соотношеніе, или подчинить какому либо правилу. Если же не *принимать въ разсчетъ* эти неправильныя *смѣны* цвѣтовъ, а обращать вниманіе только на *числа* этихъ цвѣтовъ при частомъ повтореніи вынутій, то постепенно обнаруживается *постоянное отношеніе* этихъ чиселъ, — дѣйствіе постоянной причины.

И такъ, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, въ которыхъ постоянныя причины дѣйствуютъ совмѣстно съ неправильно - измѣнчивыми, случайными, *законность* явленій всегда проявляется *только на большомъ числѣ* ихъ, и имѣетъ значеніе *только* для этого большаго числа, на *малыхъ* ее невозможно замѣтить. Хотя *постоянная причина*, отъ которой она зависитъ, и дѣйствуетъ при самомъ маломъ числѣ слу-

чаевъ, и даже въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, однако только при большомъ ихъ числѣ она пробивается, такъ сказать, наружу, получаетъ перевѣсъ надъ неправильными, случайными причинами, и является намъ въ видѣ правила. Слѣдовательно, найденное правило, или законность, относится никакъ не къ отдѣльнымъ случаямъ, а только къ большему ихъ числу. Чѣмъ больше это число, тѣмъ яснѣе проявляется законность. Постоянное отношеніе, служащее ей выраженіемъ, будетъ слѣдоватльно— *предѣльнымъ отношеніемъ*, котораго съ точностью достигнуть можно только при *безконечномъ* числѣ случаевъ, и отъ котораго всякое отношеніе, выведенное изъ конечнаго числа, уклоняется либо въ положительную, либо въ отрицательную сторону, но такъ, что абсолютная величина этихъ уклоненій уменьшается по мѣрѣ возрастанія числа случаевъ; такъ что послѣдовательныя отношенія, образующіяся при конечныхъ числахъ, все болѣе и болѣе приближаются къ предѣльному. А такъ какъ, въ послѣднемъ, противоположныя уклоненія взаимно уравновѣшиваются, и самое предѣльное отношеніе, поэтому, занимаетъ средину между всѣми другими, уклоняющимися отъ него, — то его можно назвать также *среднимъ отношеніемъ* (*). И хотя для каждаго отдѣльнаго слу-

(*) Ариѳметическое среднее X изъ A величинъ a_1, a_2, a_3, ... an, получится, если опредѣлить X такимъ образомъ, что разности его отъ этихъ величинъ уравновѣшиваются, слѣд.

$$(a_1 - x) + (a_2 - x) + (a_3 - x) \ldots + a_n - x) = 0,$$

или, что̀ все равно,—сумма квадратовъ этихъ разностей дѣлается ме-

чая никакъ нельзя опредѣлить, который изъ двухъ противоположныхъ возможныхъ результатовъ (въ данномъ примѣрѣ — черный или бѣлый цвѣтъ вынимаемаго шара) получится на самомъ дѣлѣ, однако мы все-таки можемъ предположить *средній случай*, и опредѣлить для него *степень вѣроятности*, съ какою можно ожидать того или другаго результата. Если эмпирически найденное отношеніе средняго полученія различныхъ результатовъ = $a : b$, то эти степени вѣроятности = $\frac{a}{a+b}$ и $\frac{b}{a+b}$, при сложеніи дающія сумму = 1, показывающую нашу *увѣренность*, что одинъ изъ двухъ результатовъ *непремѣнно* получится; самыя же дроби выражаютъ, въ какой степени ожиданіе полученія того или другаго изъ нихъ способствуетъ этой нашей увѣренности. Такъ, въ нашемъ случаѣ вѣроятность, чтобъ однократное выниманіе дало бѣлый шаръ = $^3/_4$, а вѣроятность, что оно дастъ черный = $^1/_4$.

Общимъ результатомъ всѣхъ этихъ разсужденій является слѣдующее положеніе: вездѣ, гдѣ постоянныя причины неоднократно совпадаютъ съ неправильно-измѣняющимися, случайными, причемъ однако дѣйствіемъ такого совпаденія могутъ быть, поперемѣнно, событія двухъ только родовъ, взаимно исключающихъ другъ друга (противоположныхъ), — при достаточномъ числѣ этихъ

нѣе всякой данной величины, что также выражается приведеннымъ выше равенствомъ, какъ условнымъ.

совпаденій числа, въ какихъ повторяются событія того или другаго рода, постепенно приближаются къ постоянному отношенію.

Но это же положеніе можно выразить и иначе, обратнымъ способомъ, т. е. сказать, что вездѣ, гдѣ, при длинномъ рядѣ смѣняющихся безъ всякой правильности явленій двухъ родовъ, постепенно начинаетъ преобладать постоянное отношеніе между числами явленій того и другаго рода, должны дѣйствовать совмѣстно — и неправильно измѣняющіяся причины, и постоянныя; потому что безъ предположенія постоянныхъ причинъ совершенно необъяснимо было бы постоянное дѣйствіе. Тоже заключеніе сохранитъ свою силу и въ томъ случаѣ, если такія явленія происходятъ не *послѣдовательно*, а *одновременно*, и если чѣмъ больше число такихъ одновременныхъ явленій двухъ противоположныхъ родовъ, тѣмъ явственнѣе замѣчается постоянное отношеніе между числами, выражающими количество явленій того и другаго рода. Наконецъ, заключеніе это вдвойнѣ можно будетъ приложить къ дѣлу, если постоянство отношенія, обнаруживающееся при большомъ числѣ явленій, послѣдовательно повторяется черезъ одинаковые промежутки времени.

Такой именно случай представляетъ намъ *нравственная статистика*. Эта отрасль знанія, составляющая драгоцѣнное научное пріобрѣтеніе новѣйшаго времени, сдѣлала изумительное открытіе, что въ произ-

вольныхъ дѣйствіяхъ человѣка, которыя можно было бы считать неподчиненными никакому правилу, и которыя, взятыя въ отдѣльности, дѣйствительно не подчинены ему, и никогда не будутъ вычислены и опредѣлены впередъ, что эти дѣйствія, говорю я, если ихъ для разсматриванія соединить въ большія естественныя группы, — тоже управляются законностью, которую можно выразить слѣдующимъ общимъ положеніемъ: *Если дано достаточно большое число лицъ, способныхъ къ извѣстнаго рода произвольнымъ дѣйствіямъ, то число тѣхъ изъ нихъ, которыя въ теченіе извѣстнаго промежутка времени (напр. года) совершаютъ эти дѣйствія, находится въ постоянномъ отношеніи къ общему числу данныхъ лицъ, такъ что число, выражающее это отношеніе, остается, съ очень небольшими уклоненіями, тѣмъ же и въ слѣдующіе одинаковые промежутки времени.*

Изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что *и число лицъ, совершающихъ эти дѣйствія, находится въ постоянномъ отношеніи къ числу тѣхъ, которыя ихъ не совершаютъ.*

Нравственная статистика доказала эту законность особенно неопровержимо для браковъ, преступленій и самоубійствъ; она (законность) всегда обнаруживается только въ средѣ многочисленнаго населенія, однороднаго въ отношеніи къ извѣстнымъ естественнымъ и со-

ціальнымъ условіямъ; признать ее можно по ея неизмѣнности, въ одинаковые промежутки времени (напр. по годамъ). Это постоянство нравственно-статистическихъ относительныхъ чиселъ иногда превышаетъ даже постоянство относительнаго числа умирающихъ разныхъ возрастовъ, выводимаго изъ законовъ смертности. Слѣдовательно, правильность періодическаго возвращенія нѣкоторыхъ произвольныхъ дѣйствій человѣка даже больше той, съ какою ежегодно обнаруживается естественная необходимость смерти.

Однако эти постоянныя относительныя числа, такъ же какъ и условія смертности, не только не одинаковы для различныхъ странъ, государствъ и народовъ, но съ теченіемъ времени измѣняются даже для одной и той же естественной группы населенія. Не говоря уже объ отступленіяхъ, достигающихъ въ иные годы очень замѣтной величины, измѣняются постепенно, въ теченіи длинныхъ промежутковъ времени, и самыя числа, такъ что если брать за норму десятилѣтія, то часто въ позднѣйшихъ періодахъ процентъ населенія, совершающаго извѣстныя дѣйствія, больше или меньше, нежели въ прежнихъ. Это доказываетъ, что фактически существующая законность зависитъ не только отъ постоянныхъ, общечеловѣческихъ причинъ, но еще и отъ другихъ, частью физическихъ, частью нравственныхъ, въ особенности же отъ соціальныхъ отношеній и условій, въ которыхъ живутъ данныя группы населенія, и которыя

частью составляютъ ихъ постоянныя особенности, частью же измѣняются съ теченіемъ времени.

Нравственная статистика не останавливается для каждой группы населенія, на самыхъ общихъ категоріяхъ лицъ или дѣйствій. Она дѣлаетъ предметомъ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованій, въ какой мѣрѣ оба пола—и тутъ еще различаемые по возрастамъ — принимаютъ участіе въ общей массѣ браковъ, преступленій и самоубійствъ. Она различаетъ, напр., браки между холостыми отъ тѣхъ, въ которыхъ одна сторона, или обѣ—вдовы, она классифицируетъ преступниковъ и самоубійцъ по роду ихъ занятій, по условіямъ ихъ жизни, по ихъ религіи и вѣроисповѣданію, и т. д.; она отдѣляетъ преступленія противъ собственности отъ преступленій противъ лицъ, и тѣ, которыя совершены по злобѣ, отъ тѣхъ, къ которымъ побужденіемъ была корысть; далѣе, она точнѣе опредѣляетъ родъ преступленій противъ лицъ, какъ-то: умерщвленіе, убійство, прелюбодѣяніе, отравленіе и т. д.; изслѣдуетъ, въ какія времена года и дня всего чаще совершаются преступленія и самоубійства, и какими средствами; замѣчаетъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою числа самоубійствъ, происходящихъ отъ душевныхъ или тѣлесныхъ болѣзней, отъ пороковъ, страстей, несчастныхъ житейскихъ обстоятельствъ и т. п. Но какъ-бы далеко она ни заходила въ этихъ, все болѣе и болѣе тонкихъ подраздѣленіяхъ, все-таки она вездѣ, гдѣ только ей даны доста-

точно большія числа случаевъ для сравненія, находитъ численныя отношенія, остающіяся постоянными, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ не слишкомъ уже большихъ промежутковъ времени.

Такимъ образомъ нравственная статистика раскрываетъ предъ нами, во всякомъ случаѣ, хоть часть причинъ, обусловливающихъ человѣческія дѣйствія, или по крайней мѣрѣ принимающихъ участіе въ ихъ совершеніи. Изъ этого вытекаютъ два мнѣнія касательно природы этихъ дѣйствій. Одно изъ нихъ утверждаетъ, что всякій произволъ, въ концѣ концовъ, долженъ оказаться чистѣйшимъ заблужденіемъ, что всѣ произвольныя дѣйствія людей, и даже ихъ психическія побужденія, съ необходимостью опредѣляются законнымъ теченіемъ явленій въ природѣ, которому человѣкъ подчиненъ и какъ духовное, и какъ матеріальное существо; что всякая свобода воли—только мнимая. Второе мнѣніе, хотя и допускаетъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, индивидуальный произволъ, но считаетъ нужнымъ, основываясь на результатахъ нравственной статистики, сдѣлать эти предѣлы такими тѣсными, что въ общей сложности человѣческихъ дѣйствій произволъ совершенно исчезаетъ, и что здѣсь проявляются только могучія дѣйствія общихъ и постоянныхъ причинъ, стоящихъ выше всякаго личнаго произвола. *Адольфъ Вагнеръ* яркими красками обрисовалъ картину того впечатлѣнія, какое результаты нравственной статистики, своею удивительной закон-

ностью, могли бы произвести на поэтически-настроенный умъ. Онъ говоритъ (*): „Представимъ себѣ, что въ то доброе старое время, когда фантастическія описанія путешествій, въ родѣ Свифтовыхъ „разсказовъ Гулливера", возбуждали въ публикѣ болѣе интереса, нежели теперь, что въ это время, говорю я, какой нибудь писатель, чтобы дать своимъ читателямъ что-нибудь новенькое, начерталъ бы слѣдующее описаніе чужеземнаго народа и государства: „Въ этой странѣ на цѣлый годъ впередъ опредѣляется положительнымъ закономъ, сколько людей могутъ жениться или выйдти замужъ; какіе возрасты могутъ сочетаться между собою бракомъ; сколько молодыхъ дѣвушекъ будутъ имѣть старыхъ мужей, и молодые люди — старыхъ женъ; при сколькихъ бракахъ разница въ лѣтахъ будетъ имѣть одну величину, при сколькихъ—другую; сколько вдовцовъ и вдовъ снова заключатъ брачный союзъ, сколько браковъ будетъ расторгнуто судами, и т. д. Затѣмъ жребій рѣшаетъ, какія именно отдѣльныя лица изъ законнаго числа, распредѣленнаго по поламъ, возрастамъ, гражданскимъ состояніямъ (**), роду занятій,—должны сочетаться бракомъ между собою. Другой законъ прави-

(*) Statistisch-anthropologische Untersuchung der Gesetzmässigkeit der scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen. Hamburg, 1864 стр. 44.

(**) Холостому, брачному или вдовому. Выраженіе, введенное Вагнеромъ.

тельственной власти опредѣляетъ впередъ число тѣхъ лицъ, которыя должны въ слѣдующемъ году окончить жизнь самоубійствомъ, и распредѣляетъ это число, по опредѣленнымъ тоже заранѣе соотношеніямъ,—по полямъ, возрастамъ, занятіямъ, и т. д.; въ тоже время этотъ законъ назначаетъ, сколько изъ этихъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ, упомянутымъ только что классамъ,—употребятъ какъ средство самоубійства — пистолетъ, ножъ, ядъ, веревку, воду, и т. д. Затѣмъ жребій опять выбираетъ, на основаніи этихъ предписаній, отдѣльныя лица, которыя должны лишить себя жизни. Третій законъ правительства такимъ же образомъ назначаетъ, сколько какихъ преступленій должно быть совершено въ будущемъ году; какіе классы населенія должны ихъ совершить; сколько приговоровъ и освобожденій изъ подъ суда повлекутъ они за собою; сколько какихъ наказаній будетъ присуждено и исполнено; и здѣсь жребій рѣшаетъ, какія именно отдѣльныя лица того или другаго класса совершатъ различныя преступленія и потерпятъ за то наказаніе. Точно также множество другихъ законовъ опредѣляютъ впередъ другія добрыя и дурныя дѣла, по числу, роду и распредѣленію на отдѣльные классы населенія, описаннымъ выше способомъ“. Однимъ словомъ, всѣ тѣ дѣйствія, которыя мы предпринимаемъ по собственному рѣшенію и по своему произволу,—въ предполагаемомъ государствѣ, по описанію нашего путешественника, предписываются и

распредѣляются свыше и свыше же опредѣляются ихъ численныя соотношенія. И жители этого государства совершенно подчиняются такому порядку, и изъ года въ годъ съ точностью выполняютъ эти законы. Но — продолжаетъ авторъ — и то, чего никогда нельзя было бы въ такомъ видѣ достигнуть искуственно, посредствомъ человѣческой воли и власти—удивительнымъ образомъ совершается само собою, вслѣдствіе естественной организаціи человѣческаго общества; потому что—развѣ эта чудная, непривычная намъ картина самаго страннаго народа и государства не совершенно та же, какую намъ представляютъ наши государства и народы — съ тою только разницею, что въ этомъ случаѣ исполняется законъ природы, незамѣтный для отдѣльнаго человѣка? Въ заключеніе этого разсужденія Вагнеръ говоритъ: „но всего замѣчательнѣе при этомъ то, что мы, такимъ образомъ, дѣйствуемъ, какъ подчиненные члены большаго механизма, а между тѣмъ имѣемъ совершенно неограниченное, свободное движеніе, не нарушающее предначертаннаго хода этого механизма. Намъ даже кажется, будто мы и за предѣлами его дѣйствуемъ съ полною свободой и самоопредѣленіемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мы, въ общей сложности извнѣ, и всѣ наши дѣйствія, если ихъ разсматривать во всей массѣ, управляются постоянными, всеобщими причинами, и происходятъ совершенно подобно процессамъ физическаго порядка вещей“.

Въ этомъ описаніи, какъ мнѣ кажется, до нѣкото-

рой степени перемѣшаны оба вышеупомянутыя мнѣнія на счетъ природы произвольныхъ дѣйствій. Слова Вагнера имѣютъ положительно *фаталистическій* характеръ, когда онъ говоритъ о законѣ, повелительно *требующемъ* подчиненія, и *исполняющемся* съ желѣзной *необходимостью*, или о большомъ механизмѣ, въ которомъ люди дѣйствуютъ только какъ *подчиненные члены*. И хотя онъ, съ другой стороны, считаетъ этотъ законъ слѣдствіемъ природной организаціи человѣческаго общества, но совершенно умалчиваетъ о томъ, что эта организація *не есть чистый продуктъ природнаго механизма*, а что напротивъ того, очень существеннымъ фактомъ ея является *размышляющая воля*, выражающаяся въ нравахъ, привычкахъ, законодательствѣ, во всѣхъ учрежденіяхъ и администраціи государства, и т. д., воля, участіе въ которой отдѣльныхъ членовъ общества въ высшей степени различно, но которая все-таки является послѣднимъ результатомъ, равнодѣйствующею, такъ сказать, воли всѣхъ отдѣльныхъ личностей. И такъ, пока еще нѣтъ доказательства, что не только браки, преступленія и самоубійства, но и всѣ разумныя и цѣлесообразныя учрежденія государства, церкви и школы, общины и семьи, всѣ стремленія улучшить состояніе общества, распространить нравственность и религіозныя понятія и чувствованія, противодѣйствовать побужденіямъ и поводамъ къ незаконнымъ и безнравственнымъ поступкамъ — что все это тоже только

дѣйствіе природной необходимости, которой и мудрѣйшіе и лучшіе изъ людей, и благодѣтели человѣчества служатъ только въ качествѣ слѣпыхъ орудій,—до тѣхъ поръ, говорю я, пока нѣтъ такого доказательства, вышеупомянутое фаталистическое воззрѣніе на побудительныя причины произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій можетъ считаться только слишкомъ поспѣшнымъ заключеніемъ, совершенно лишеннымъ всякаго положительнаго основанія. Но совершенно уже не вѣрно, когда авторъ приведеннаго описанія говоритъ, что отдѣльныя лица, индивидуумы, исполняющіе своими дѣйствіями общій законъ, выбираются изъ среды всего населенія жребіемъ, т. е. слѣпымъ случаемъ; нравственная статистика показываетъ намъ прямо противное. Она старается со всевозможной полнотою опредѣлить природныя и пріобрѣтенныя свойства, а также и внѣшнія условія *тѣхъ* лицъ, которыя совершаютъ извѣстныя произвольныя дѣйствія. Такимъ образомъ она доказываетъ, что въ этихъ дѣйствіяхъ, и въ каждомъ подраздѣленіи ихъ, принимаетъ участіе *не все населеніе*, и даже *не всѣ лица* извѣстнаго возраста и пола, но только *извѣстная*, точно опредѣленная *группа* индивидуумовъ. Только подъ вліяніемъ грубаго недоразумѣнія можно объяснять математическую фикцію о среднемъ человѣкѣ вообще, или о среднемъ человѣкѣ извѣстнаго возраста и пола, такимъ образомъ, какъ будто все то, что можно сказать объ этомъ среднемъ лицѣ, справедливо и относительно *всѣхъ индиви-*

дуумовъ той же категоріи, какъ будто *всѣ* они принимаютъ во всемъ этомъ *дѣйствительное участіе.* Именно въ индивидуальности лица, въ положеніи его въ обществѣ, въ особенныхъ поводахъ и представляющихся удобныхъ случаяхъ, и заключаются причины, побуждающія одного къ одному дѣйствію, другаго къ другому, между тѣмъ какъ для третьяго и четвертаго эти побудительныя причины вовсе не существуютъ.

Принужденъ ли при этомъ человѣкъ, своею индивидуальностью и силою обстоятельствъ, слѣдовать представляющимся ему побужденіямъ, или, одаренный волею, онъ можетъ какъ воспользоваться случаемъ, такъ и противиться съ успѣхомъ сильнѣйшему искушенію,—это конечно очень важный вопросъ, рѣшеніе котораго должно быть предоставлено дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, и который мы ниже попытаемся разобрать. Здѣсь же намъ особенно важно только то, чтобы пріобрѣсти непоколебимое убѣжденіе, *что постоянная правильность извѣстныхъ произвольныхъ дѣйствій не основана на законѣ, который бы предшествовалъ самымъ дѣйствіямъ и повелительно требовалъ исполненія, но что, напротивъ того, всякая законность, какую доказываетъ нравственная статистика, составляетъ продуктъ относительно постоянныхъ, а слѣдовательно и не абсолютно-неизмѣнныхъ отношеній и совмѣстно-дѣйствующихъ причинъ, сопровождаемыхъ однако еще безчисленными другими*

измѣнчивыми причинами, которыя нельзя подвести ни подъ какое правило.

Чтобы дать этому положенію болѣе широкое и прочное основаніе, мы разсмотримъ теперь нѣсколько подробнѣе важнѣйшіе факты нравственной статистики.

ВАЖНѢЙШІЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

НРАВСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ.

Изъ всѣхъ частей статистики ближе другихъ подходитъ къ нравственной, и тѣмъ даетъ случай ко многимъ сравненіямъ — *статистика смертности.* Намъ кажется, что она какъ исторически, такъ и по самому существу дѣла можетъ считаться первою ступенью при изученіи статистики нравственной.

Законъ смертности показываетъ, что изъ даннаго числа a лицъ, достигшихъ возраста n лѣтъ, въ слѣдующемъ году регулярно умираетъ опредѣленная часть b, такъ что въ концѣ $(n+1)$ года жизни число тѣхъ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ относится къ числу умершихъ въ этомъ году, того же возраста, какъ $a - b : b$. По даннымъ, собраннымъ корол. прусскимъ всеобщимъ заведеніемъ для призрѣнія сиротъ (Kön. Preuss. allgemeine Wittwenversorgungsanstalt), въ теченіи 1776 — 1852 годовъ (*), вѣроятность прожить еще

(*) *Ph. Fischer*, Grundzüge des auf menschliche Sterblichkeit gegründten Versicherungswesens. Oppenheim a Rh. 1860, стр. 186.

годъ составляетъ для женатыхъ 40-лѣтнихъ мужчинъ— 0,9885, изъ чего очевидно слѣдуетъ, что вѣроятность умереть на 41-мъ году равна для нихъ 0,0115. Это означаетъ, что изъ 10,000 женатыхъ мужчинъ, досигшихъ 40 лѣтъ, 115 не доживутъ до 41 года, и что, слѣдовательно, число пережившихъ этотъ годъ относится къ числу умершихъ въ теченіи его, какъ 9885 : 115. Если распредѣлить эти 10,000 человѣкъ съ возможною равномѣрностью на 115 группъ, такъ что на 110 группъ придется по 87, на 5 же остальныхъ — только по 86 лицъ, то конечно не изъ всякой группы въ теченіи слѣдующаго года умретъ одинъ, а, напротивъ того, изъ нѣкоторыхъ не умретъ ни одного, за то изъ нѣкоторыхъ другихъ по два, по три, и даже болѣе; но сумма всѣхъ умершихъ будетъ составлять 115, и поэтому, *въ среднемъ*. на всякую группу придется одинъ умершій. Не должно, впрочемъ, представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто изъ этихъ 10,000 мужчинъ 115 обречены на смерть жребіемъ, въ родѣ того, какъ выбираютъ рекрутовъ для военной службы; напротивъ, смерть ихъ — необходимое послѣдствіе естественныхъ причинъ, которыя однако опять распадаются *на постоянныя и случайныя*. Самая общая причина смерти заключается въ самой природѣ организма, всегда могущаго жить только ограниченно-долгое время, за предѣлами котораго онъ уже не въ состояніи возобновлять самаго себя. Если предполо-

жить это время равнымъ для человѣка 150, или хоть бы даже и 100 годамъ, то это составитъ цѣль, достиженіе которой, независимо уже отъ другихъ условій, предполагаетъ необыкновенно рѣзкое нормальное сложеніе. У огромнаго же большинства людей, напротивъ того уже въ самомъ сложеніи, въ первоначальномъ строеніи ихъ организма заключается расположеніе къ гораздо болѣе раннему концу жизни, — къ той или другой болѣзни, могущей имѣть смертельный исходъ. Наименьшее число людей умираютъ отъ старческаго истощенія, между тѣмъ какъ бугорчатка легкихъ, ударъ, хроническое воспаленіе сердца, и т. п. ежегодно вносятъ весьма немаловажныя числа въ общій итогъ умершихъ. Но и вообще значительная часть людей раждается съ очень небольшой способностью къ жизни, что доказывается въ особенности очень большимъ числомъ дѣтей, умирающихъ на первомъ году жизни (*). Но рядомъ съ этими, частью всеобщими, частью индивидуальными, постоянно повторяющимися причинами смерти играютъ важную роль и случайныя. Пища, одежда, климатическія условія, родъ занятій, образъ жизни, и т. п. могутъ, смотря потому, соотвѣтствуютъ ли они сложенію организма, продолжить

(*) Это основаніе кажется намъ нѣсколько шаткимъ, если принять въ разсчетъ: 1) трудность уберечь очень молодаго ребенка отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, и 2) неумѣнье, неспособность, а иногда и дѣйствительную невозможность воспитывать дѣтей сколько нибудь сообразно съ требованіями ихъ натуры. *Примѣч. пер.*

жизнь, или сократить ее; къ этому присоединяются событія, которыя мы не можетъ предвидѣть, и поэтому называемъ случайными, какъ напр. повальныя болѣзни, сильныя сотрясенія духа тяжкими потерями, касающимися имущества или близкихъ и дорогихъ лицъ, незаслуженныя оскорбленія, и т. д., не говоря уже о настоящихъ несчастныхъ случаяхъ, причиняющихъ насильственную смерть. И эти причины смерти, хоть отчасти, повторяются ежегодно и вѣроятно съ довольно большой правильностью. Если послѣднее справедливо, то эти причины можно еще, строго говоря, причислять, *во всей ихъ совокупности*, къ постояннымъ причинамъ; и только въ отношеніи тѣхъ лицъ, на которыхъ проявляется ихъ дѣйствіе, ихъ можно назвать случайными.

Но для индивидуума время его смерти не есть простое слѣдствіе естественнаго теченія явленій, или чистая естественная необходимость; напротивъ того, здѣсь человѣческая воля, если она сама въ результатѣ не есть пустое заблужденіе, то ускоряетъ нормальный ходъ вещей, то задерживаетъ и замедляетъ его, если только ей въ то же время предоставлены средства къ выполненію желаемаго. Слабыя отъ рожденія, дѣти бѣдныхъ людей большею частью рано погибаютъ, между тѣмъ какъ подобныя же дѣти людей состоятельныхъ и богатыхъ, не имѣющіе недостатка ни во врачебной помощи, ни въ тщательномъ уходѣ, часто живутъ еще долгіе годы.

Бугорчатку, *въ ранних степеняхъ ея развитія*, можно задержать у состоятельнаго человѣка перемѣщеніемъ его въ болѣе умѣренный климатъ; а иногда можно даже и вылечить; между тѣмъ какъ бѣднякъ погибаетъ отъ этой болѣзни черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Вообще тотъ, кто въ состояніи устроить весь свой образъ жизни сообразно предписаніямъ, которыя разумный врачъ находитъ соотвѣтственными его болѣзненному расположенію, можетъ продлить свою жизнь. И дѣйствительно, средняя продолжительность жизни возрастаетъ съ увеличеніемъ всеобщаго благосостоянія (*), что при этомъ и всеобщія мѣры могутъ имѣть очень большое дѣйствіе, достаточно показано опытомъ. Предписанное закономъ введеніе оспопрививанія необычайно уменьшило смертность; вентиляція городовъ, снабженіе ихъ чистой ключевой водою, улучшеніе пищи и жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ общества, стремленія распространить разумный уходъ за новорожденными, и вообще сообразное съ требованіями гигіены воспитаніе дѣтей, все это вездѣ способствуетъ увеличенію населенія, посредствомъ уменьшенія смертности. Но всѣ эти вліянія на сохраненіе жизни и измѣненіе порядка вымиранія происходятъ отъ произвольныхъ дѣйствій, зависящихъ частью отъ воли отдѣльныхъ лицъ, частью же находящихся во

(*) Во Франціи напр. сравненіе годъ въ 1771 — 80 съ годами 1844—53 показываетъ увеличеніе средней продолжительности жизни на 12½ лѣтъ. См. W. Roscher (Lit. Centralblatt, 1865, № 26, стр. 684).

власти законодательства, государственнаго и общиннаго управленія. Такимъ образомъ, мы уже при статистикѣ смертности видимъ, что и ея постоянныя относительныя числа не абсолютно неизмѣнны, и только частью зависятъ отъ постоянныхъ естественныхъ условій, другою же частью — отъ обстановки общественнаго быта, для улучшенія котораго много можетъ быть сдѣлано, какъ отдѣльными лицами, такъ и совокупною волею общества; наконецъ, мы видимъ, что законъ смертности имѣетъ значеніе не для отдѣльнаго лица, а единственно для средняго человѣка, отъ котораго природа и особенности индивидуума уклоняются по направленію, благопріятному продолженію жизни, или неблагопріятному, но что даже дѣйствіе уклоненія неблагопріятнаго можетъ быть ослаблено тамъ, гдѣ есть пониманіе дѣла и воля, и не представляется матеріальной невозможности выполненія этой воли.

Если мы теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію произвольныхъ дѣйствій, составляющихъ предметъ нравственной статистики, то найдемъ что между ними первое мѣсто занимаютъ *браки*. Здѣсь прежде всего доказано, что въ бо́льшей части странъ общее годовое число бракоссчетаній не подвержено такимъ значительнымъ колебаніямъ, какъ число смертныхъ случаевъ; далѣе, что отъ 8 до 9 десятыхъ всѣхъ браковъ заключаются до достиженія вѣнчающимися 40 лѣтъ. Но слѣдующее обозрѣніе, основанное на таблицахъ, сообщенныхъ *Bannеy-*

сомъ (Wappäus), показываетъ, что въ различныхъ земляхъ это большинство браковъ распредѣляется по различнымъ возрастамъ очень не равномѣрно. Здѣсь (въ этомъ обозрѣніи) числа означаютъ проценты заключенныхъ браковъ, обозначенные для мужскаго пола буквою (М), а для женскаго буквою (Ж). Суммы послѣдняго столбца показываютъ, что общее число всѣхъ браковъ, заключенныхъ до 40-лѣтняго возраста, составляютъ для мужескаго пола отъ 82 — 91, а для женскаго отъ 90—95 процентовъ.

		Ниже 20 лѣтъ	Отъ 20 до 25 л.	Отъ 25 до 30 л.	Отъ 30 до 35 л.	Отъ 35 до 40 л.	Итого.
Англія . . .	М.	2	46	26	11	5	90
	Ж.	12	50	20	8	4	94
Франція . . .	М.	2	27	33	18	9	89
	Ж.	19	38	22	10	5	94
Норвегія . .	М.	1	23	39	20	8	91
	Ж.	5	35	33	14	6	93
Сардинія . .	М.	4	34	30	13	7	88
	Ж.	25	41	18	7	4	95
Баварія . . .	М.	0	12	32	38		82
	Ж.	4	25	32	29		90

		Ниже 21 года	Отъ 21 до 25 л.	Отъ 25 до 30 л.	Отъ 30 до 35 л.	Отъ 35 до 40 л.	Итого.
Нидерланды.	М.	2	19	36	21	10	88
	Ж.	7	27	33	17	8	92
Бельгія . . .	М.	2	17	34	21	12	86
	Ж.	9	27	30	16	9	91

(*) Allgemeine Bevölkerungsstatistik, Leipzig, 1859—61, 11, S. 353 ff.

Послѣдній столбецъ показываетъ также, что на года свыше 40 приходится сранительно наибольшее число браковъ для обоихъ половъ въ Баваріи, и — для мужскаго 18 процентовъ, а для женскаго 10. Затѣмъ, относительно мужскаго пола слѣдуютъ одна за другой: Бельгія — съ 14, Нидерланды и Сардинія — съ 12, Франція — съ 11, Англія — съ 10 и Норвегія — съ 9 процентами. Относительно же пола женскаго слѣдуютъ за Баваріей: Бельгія — съ 9, Нидерланды — съ 8, Норвегія — съ 7, Англія и Франція съ 6, Сардинія — съ 5 процентами. Сравнительно наибольшія числа раннихъ браковъ (моложе 20 лѣтъ) даетъ Сардинія; за нею идутъ сперва Франція и Англія, за тѣмъ — Бельгія и Нидерланды, и наконецъ Норвегія и Баварія. Наибольшее накопленіе браковъ между 20 — 25 годами, для обоихъ половъ, имѣетъ мѣсто прежде всего въ Англіи, затѣмъ въ Сардиніи и Франціи. Это же накопленіе происходитъ, тоже для обоихъ половъ, между 25—30 годами, въ Баваріи, Нидерландахъ и Бельгіи. Въ Норвегіи, наконецъ, *maximum* приходится для мужскаго пола на 25—30, для женскаго же — на 20—25 года. Болѣе ранняя половая зрѣлость и болѣе безпечное настроеніе южныхъ народовъ Европы, отчасти обусловливаемыя умѣреннѣйшимъ климатомъ и плодороднѣйшею природой; съ другой стороны, въ странахъ менѣе благопріятствуемыхъ природой, но быстро развивающихся въ политико-экомическомъ отношеніи, — легкость пріобрѣсти посредствомъ ра-

боты достаточное пропитаніе; напротивъ того, у болѣе сѣверныхъ народовъ—свойственное имъ холодное разсужденіе и разсчетъ,—все это, и многое другое, чѣмъ опредѣляются нравы и привычки народовъ, безъ сомнѣнія составляетъ причины, содѣйствующія или противодѣйствующія одна другой въ многоразличныхъ комбинаціяхъ, причины, говорю я, замѣчаемыхъ различій въ распредѣленіи браковъ на оба пола въ различныхъ странахъ.

Если мы теперь оставимъ въ сторонѣ эти національныя различія въ численныхъ соотношеніяхъ заключенныхъ браковъ, и остановимся на *одной* землѣ, напр. на Бельгіи, то поразительное неравенство процентныхъ отношеній, приходящихся на различные возрасты, указываетъ намъ, повидимому, на такіе же неравныя *степени силы*, съ какою выражается потребность жениться, которую мы коротко называемъ *брачнымъ стремленіемъ* (*Heirathstrieb*, *tendence au mariage*). Но данныхъ этихъ, во всякомъ случаѣ, недостаточно, чтобъ опредѣлить эту степень. Намъ мало того, что мы знаемъ, сколько бракосочетаній происходитъ въ возрастѣ ниже 20 лѣтъ, или между 20 и 25 годами, и т. д.; мы, кромѣ абсолютнаго числа b мужчинъ или женщинъ, сочетающихся бракомъ въ извѣстномъ возрастѣ своей жизни, должны еще знать и абсолютное число a той части всего населенія обоего пола, которая находится въ этомъ возрастѣ. Тогда, совершенно такимъ же образомъ, какъ и при смертности, дробь $\frac{b}{a}$ вы-

разитъ *степень вѣроятности* жениться или выйдти замужъ въ этомъ возрастѣ. Для поясненія достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Кетле (Quetelet) нашелъ (*), что въ городахъ Бельгіи съ 1840 — 45 г. женились ежегодно, среднимъ числомъ, съ чрезвычайно незначительными отступленіями, по 2,652 мужчинъ отъ 25 — 30 лѣтъ. Затѣмъ онъ полагаетъ мужское населеніе этого возраста равнымъ 30,000 человѣкъ, изъ чего справедливо заключаетъ, что въ бельгійскихъ городахъ и въ слѣдующемъ 1846 году для мужчины отъ 25—30 л. вѣроятность жениться была равна $\frac{2,562}{30,000} = 0,0884$. Совершенно подобнымъ образомъ онъ находитъ эту же вѣроятность для мужчины отъ 30 — 35 лѣтъ равною $\frac{1,554}{16,708} = 0,0930$. Слѣдовательно, первая вѣроятность относится ко второй приблизительно какъ 19 : 20. Но когда Кетле выводитъ изъ этого дальнѣйшее заключеніе, что и *силы брачнаго стремленія* въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ относятся между собою, какъ эти числа, то мы не можемъ безусловно согласиться съ этимъ выводомъ, потому что, если эти степени вѣроятности должны считаться мѣриломъ также сильнаго природнаго стремленія, то насъ прежде всего не можетъ не поразить уже самая ихъ малость. Очень трудно предположить, чтобъ изъ числа холостыхъ молодыхъ людей 25—35

(*) *Sur la statistique morale etc.*, въ *Mémoires de l'académie r. de Belgique*, T. XXI, стр. 8.

лѣтъ даже одна десятая часть не имѣла сильнаго желанія жениться и правда, что половыя побужденія, безъ сомнѣнія, гораздо сильнѣе въ болѣе раннемъ возрастѣ; но онѣ совпадаютъ съ стремленіемъ жениться, онѣ принимаютъ въ немъ только нѣкоторое участіе. Тоже можно сказать и о любви, какъ мечтательной страсти; она, по всей вѣроятности, только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ составляетъ настоящее побужденіе къ браку. Нельзя также не признать, что значительная часть молодыхъ людей, въ которыхъ сильны половыя стремленія и жива воспріимчивость къ прелестямъ женскаго пола и къ особеннымъ преимуществамъ ихъ духовной природы, все-таки вовсе не имѣетъ наклонности связать себя такъ рано на всю жизнь.

Но за то, особенно во второй половинѣ этого десятилѣтія (25—35), обыкновенно являются такія жизненныя потребности, которыя придаютъ большую силу желанію пріобрѣсти себѣ вѣрную спутницу, вѣрнаго друга и помощницу, которая бы сдѣлала жизнь полнѣе и отраднѣе, устроила уютную домашнюю обстановку, и доставила мужу, послѣ всѣхъ его трудовъ, наслажденіе семейною жизнью. Если назвать брачнымъ стремленіемъ *такое* желаніе, то слѣдовалобъ ожидать, что имъ будетъ одушевлена по крайней мѣрѣ половина мужчинъ отъ 25—35 лѣтъ, такъ что степень этого стремленія должна бы выразиться никакъ уже не менѣе, какъ дробью 0,5, между тѣмъ какъ по приведенному выше вычи-

сленію оно не достигаетъ даже величины 0,1. Хотя Кетле и дѣлаетъ различіе между *истиннымъ* и только *кажущимся, видимымъ* брачнымъ стремленіемъ (*tendence au mariage réelle et apparente*), и считаетъ вычисленныя имъ степени вѣроятности только выраженіемъ втораго; онъ также не упускаетъ изъ виду, что многочисленныя обстоятельства то способствуютъ, то препятствуютъ удовлетворенію дѣйствительнаго брачнаго стремленія; но онъ полагаетъ (*), что если мы, дѣйствуя надъ большими числами, получаемъ постоянныя соотношенія, то это показываетъ лишь что упомянутыя выше благопріятныя и неблагопріятныя обстоятельства относятся чисто къ случайнымъ причинамъ, дѣйствіе которыхъ взаимно уничтожается и потому остается безъ вліянія и что, слѣдовательно, степени вѣроятности, о которыхъ идетъ рѣчь, во всякомъ случаѣ выражаютъ *относительную* силу дѣйствительнаго, реальнаго брачнаго стремленія, совпадающаго въ этомъ случаѣ съ видимымъ, или, точнѣе сказать, пропорціональнымъ ему.

Но мы не можемъ согласиться съ такимъ взглядомъ. Дѣйствительное брачное стремленіе остается безъ всякаго дѣйствія, если вовсе нѣтъ благопріятныхъ обстоятельствъ (напр., если мужчина еще не пріобрѣлъ средствъ, необходимыхъ для основанія собственнаго домашняго очага, или же не находитъ въ средѣ своихъ знако-

---

(*) Ibid. стр. 9.

мыхъ ни одной особы, которая бы соотвѣтствовала его понятіямъ о хорошей супругѣ); или если они и есть, но имъ противодѣйствуютъ положительныя препятствія (напр., если избранная не раздѣляетъ его желаній, или родители не соглашаются на свадьбу). Въ обоихъ этихъ случаяхъ брачному стремленію приходится бороться съ препятствіями. Только тогда, когда мужчина, одушевленный этимъ стремленіемъ, или собственными силами преодолѣетъ эти препятствія (напр. соберетъ, посредствомъ трудолюбія и бережливости, нужныя средства, или ему удастся устранить сомнѣнія родителей его избранной, и получить ихъ согласіе), или же благопріятное стеченіе обстоятельствъ избавитъ его отъ собственныхъ усилій (напр., судьба приведетъ въ его объятія богатую невѣсту),—только тогда его брачное стремленіе осуществляется въ дѣйствительности. А до тѣхъ поръ оно ничто иное, какъ *задержанное стремленіе жениться*. И такъ, если изъ 10,000 мужчинъ отъ 25 — 30 лѣтъ въ слѣдующемъ году женятся 884, а изъ такого же числа мужчинъ отъ 30 — 35 лѣтъ—930, то эти числа, и вытекающія изъ нихъ степени вѣроятности, не показываютъ *ни абсолютной, ни относительной силы брачнаго стремленія*, но только—во сколькихъ случаяхъ оно не только существуетъ, но и *осуществляется въ дѣйствительности* по удаленіи всѣхъ противодѣйствовавшихъ ему обстоятельствъ. Въ сколькихъ же изъ остальныхъ (у насъ—9116 и 9070) случаевъ его вовсе нѣтъ и

въ скольких оно хотя и есть, но не можетъ проявиться, остается совершенно неопредѣленнымъ.

Слѣдовательно, по моему мнѣнію, статистическія степени вѣроятности жениться могутъ имѣть только значеніе *степеней освобождающейся, проявляющейся дѣятельности брачнаго стремленія.* Обстоятельства, частью благопріятствующія женитьбамъ, частью неблагопріятствующія имъ, также *не уравновѣсились взаимно, не уничтожили другъ друга въ совершившихся бракосочетаніяхъ*; напротивъ того, въ этихъ случаяхъ *благопріятныя* обстоятельства также должны были *преобладать*, какъ въ *незаключенныхъ* бракахъ *неблагопріятныя*, гдѣ однако не было недостатка въ стремленіи жениться. Наконецъ какъ тѣ, такъ и другія, только въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ, можно считать *случайными* причинами; въ цѣломъ большомъ числѣ всего населенія они точно также, какъ и само брачное стремленіе, принадлежатъ къ *постояннымъ* причинамъ, частью способтствующимъ женитьбамъ, частью же противодѣйствующимъ имъ. Потому-то замѣчаемое, по крайней мѣрѣ на среднихъ величинахъ, постоянство статистическихъ цифръ, относящихся къ бракамъ, доказываетъ только, что, наравнѣ съ постоянствомъ природнаго стремленія, и *соціальныя условія*, частью задерживающія его удовлетвореніе, частью же благопріятствующія ему—въ одномъ возрастѣ болѣе, въ другомъ менѣе,—что и эти условія, въ общей сложности, долгое время остаются почти оди-

наковыми. Отступленія числа браковъ въ отдѣльные года отъ средняго, выведеннаго изъ большаго періода, частью положительны, частью отрицательны; поэтому можно назвать, *въ отношеніи къ среднему году, благопріятными* — года съ положительными отступленіями, *неблагопріятными* же — года съ отступленіями отрицательными. Но говоря *абсолютно*, первые представляютъ только *болѣе слабыя*, послѣдніе же *болѣе сильныя* препятствія къ удовлетворенію брачнаго стремленія. Если въ голодный годъ число браковъ внезапно и сильно уменьшается, а послѣ богатой жатвы также внезапно и значительно вновь возрастаетъ, то это доказываетъ только, что дороговизна жизненныхъ продуктовъ устрашила большую часть желавшихъ жениться, а съ возвратившейся дешевизною исчезло это препятствіе. Не *наклонность* вступить въ бракъ была *усилена* ею, а только *смѣлость* удовлетворить ей; или, еще правильнѣе: такъ какъ эта смѣлость именно въ предшествовавшемъ году крайне уменьшилась, то теперь *снова устранена эта робость, этотъ недостатокъ смѣлости.*

Также и другія постоянныя числа, относящіяся къ бракамъ, можно свести частью на естественныя, большею же частью на соціальныя условія, остающіяся неизмѣнными болѣе или менѣе долгое время. Что мужчина, созрѣвающій позже женщины, но за то гораздо позже ея начинающій старѣться, и кромѣ того обыкновенно пріобрѣтающій себѣ общественное положеніе не тотчасъ

по достиженіи эпохи зрѣлости, большею частью выбираетъ себѣ болѣе молодую жену, — это совершенно понятно и нормально. Но средняя разность возрастовъ супруговъ гораздо менѣе, нежели того можно было бы ожидать по естественнымъ отношеніямъ половъ, потому что она составляетъ среднимъ числомъ (*):

	При первыхъ бракахъ.		При бракахъ между вдовцами и вдовами.	При бракахъ вообще.
Во Франціи	3,09	года,	3,75	4,10
„ Англіи	1,75	„	3,01	2,05
„ Бельгіи	1,75	„	2,15	2,60
„ Норвегіи	1,53	„	3,83	2,33
„ Нидерландахъ. .	1,37	„	2,63	2,37
„ Сардиніи	—	„	—	4,69

И средній возрастъ вѣнчающихся особъ женскаго пола (изъ котораго непосредственно можно вывести тотъ же возрастъ для мужчинъ, придавая къ нему соотвѣтствующую разность лѣтъ, приведенную выше) едва ли согласенъ съ ожиданіями большинства. Онъ равняется:

	Для дѣвушекъ.	Для вдовъ.	Для женщ. вообще.
Во Франціи	г. 25,32	38,22	26,07
Въ Англіи	„ 24,69	38,69	25,96
„ Бельгіи	„ 28,19	40,55	29,14
„ Норвегіи.	„ 26,98	40,93	28,05
„ Нидерландахъ . .	„ 27,78	39,57	28,88
„ Сардиніи.	„ —	—	24,42

(*) Wappäus, Bevölkerungsstatistik, 11, стр. 285.

Если въ этихъ числахъ отчасти и видны различія, которыя можно объяснить сѣвернымъ или южнымъ мѣстожительствомъ, и особенностями романскаго и германскаго племенъ, то все-таки они еще яснѣе показываютъ, что при бракахъ въ цивилизованныхъ государствахъ выборъ невѣсты опредѣляется, въ значительной степени, не естественными соотношеніями обоихъ половъ, а напротивъ того, мужчины при этомъ, въ среднемъ, руководствуются другими основаніями, а не молодостью и свѣжестью избранной; но и здѣсь опять замѣтны національныя различія.

Подобныя разности встрѣчаются и въ числахъ браковъ, заключаемыхъ особами, которыя или обѣ, или только одна, или ни одна изъ двухъ были прежде холосты. Изъ 1,000 браковъ среднимъ числомъ заключалось между (*):

	Холостыми и дѣвушками.	Холостыми и вдовами.	Вдовцами и дѣвушками.	Вдовцами и вдовами.
Въ Швеціи	847	47	85	21
Во Франціи	836	37	93	34
Въ Норвегіи	834	51	90	25
„ Англіи	818	43	91	48
„ Бельгіи	809	50	114	27
„ Сардиніи	793	34	125	48 (**)
„ Нидерландахъ. .	789	50	118	43
„ Даніи	781	75	119	25
„ Баваріи	774	66	142	18

(*) Wappäus, 11, стр. 253.

(**) Эти числа, какъ кажется, очень близко подходятъ и для всей Италіи. По заимствованной изъ *Derezione della statistica generale*

Изъ этого выводится, что: 1) *среднее* отношеніе браковъ между холостыми къ бракамъ, въ которыхъ одна сторона, или обѣ—вдовы, равно 4,24:1, что съ точностью имѣетъ мѣсто въ Бельгіи; наибольшія же отступленія отъ этого средняго представляютъ, съ одной стороны, Швеція, для которой это отношеніе равно 5,54:1, съ другой — Баварія, въ которой оно равно 3,42:1. 2) Число браковъ мужчинъ (холостыхъ и вдовцовъ вмѣстѣ) съ дѣвушками, *въ среднемъ*, превосходитъ число браковъ ихъ со вдовами въ 11,12 разъ; это почти совершенно вѣрно для Сардиніи; уклоненія отъ этого средняго всего болѣе въ Швеціи, гдѣ число браковъ дѣвушекъ превышаетъ число браковъ вдовъ въ 13,7 разъ, и въ Даніи, гдѣ первое больше послѣдняго только въ 9 разъ. Слѣдовательно, здѣсь вдовы имѣютъ всего болѣе шансовъ выйти вновь замужъ, а въ Швеціи—всего менѣе. Какая странная противоположность между двумя соплеменными сосѣдними странами! 3) Браки холостыхъ съ дѣвушками относятся къ бракамъ ихъ со вдовами какъ 16,07:1, что близко подходитъ для Бельгіи; всего болѣе уклоняются: Сардинія, гдѣ относительное

---

d'Italia замѣткѣ, которую находимъ въ Augsburger Allgem. Zeitung (1865, № 341. Ausserord. Beilage), — въ королевствѣ Италіи въ 1863 г. изъ 179,136 браковъ были заключены: 141,887 — между холостыми и дѣвушками, 8,147—холостыми и вдовами, 20,144—вдовцами и дѣвушками, 8,958—вдовцами и вдовами. Поэтому, изъ 1,000 браковъ на первый классъ приходится 793, на второй 45, на третій 112, а на четвертый 50.

число равно 23,32, и Данія, гдѣ оно не превышаетъ 10,04. 4) Вдовцы среднимъ числомъ въ 3,38 раза охотнѣе женятся на дѣвушкахъ, чѣмъ на вдовахъ; всего ближе подходитъ сюда Норвегія. Большее предпочтеніе отдаютъ они этимъ бракамъ въ Баваріи, т. е. въ 7,9 разъ болѣе противуположныхъ; всего менѣе—въ Англіи—только въ 1,9 разъ.

Что касается до *распространенности или численности браковъ вообще*, то и въ ней мы замѣчаемъ въ разныхъ странахъ большія различія. На 10,000 жителей среднимъ числомъ приходилось ежегодно, въ круглыхъ цифрахъ (*).

Въ Пруссіи.	(съ 1844—1853)	87
„ Англіи	(„ 1845—1854)	85
„ Австріи.	(„ 1842—1851)	84
„ Даніи.	(„ 1845—1854)	83
„ Саксоніи	(„ 1847—1856)	82
„ Ганноверѣ	(„ 1846—1854)	80
„ Франціи	(„ 1845—1853)	79
„ Норвегіи	(„ 1846—1855)	77
„ Нидерландахъ. . .	(„ 1845—1854)	77
„ Сардиніи	(„ 1828—1837)	76
„ Швеціи.	(„ 1841—1850)	72
„ Бельгіи.	(„ 1847—1856)	69
„ Баваріи.	(„ 1842—1851)	66

(*) Вычислено по Wappäus, II, стр. 241.

Двѣ нѣмецкія страны находятся на крайнихъ концахъ этого ряда, и относятся между собою, по численности браковъ въ одни и тѣже почти средніе года, приблизительно какъ 4 : 3! Это показываетъ, какія сильныя видоизмѣненія въ удовлетвореніи естественному стремленію вступленія въ бракъ производятся, даже въ предѣлахъ одной и той же національности, въ группахъ населенія, находящихся между собою въ самыхъ постоянныхъ и живыхъ сношеніяхъ, — условіями общественнаго быта, народными обычаями, государственными учрежденіями, и т. д. Это показываетъ намъ также, какъ неумѣстно было бы говорить здѣсь только о „хозяйствѣ природы“ и о всеобщемъ законѣ, который вездѣ одинаково заставляетъ исполнять свои требованія.

Теперь мы обратимся къ статистикѣ *преступленій* и начнемъ съ Франціи, для которой *Кетле*, въ вышеназванномъ сочиненіи, собралъ всѣ имѣвшіяся данныя, составилъ изъ нихъ общія таблицы и обработалъ образцовымъ способомъ. По этимъ даннымъ, во Франціи, въ періодъ съ 1826—1844 г., ежегодно *среднимъ* числомъ было 7,434 *обвиняемыхъ* въ преступленіяхъ, изъ которыхъ 4,644 были *приговариваемы* судомъ.

Если (по Кетле) принять населеніе Франціи въ этотъ промежутокъ времени равнымъ приблизительно 34 милліонамъ, то на 1 милліонъ жителей въ средній годъ приходилось 218,6 обвиняемыхъ и 136,6 приговоренныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ данный промежутокъ вре-

мени для средняго человѣка жителя Франціи вѣроятность быть *обвиняемымъ* въ совершеніи преступленія была равна 0,0002186,

а вѣроятность быть приговореннымъ за него къ наказанію 0,0001366.

Далѣе: изъ упомянутыхъ 7434 обвиняемыхъ на мужской полъ приходилось 6122, а на женскій — 1312; изъ 4644 же приговоренныхъ было 3877 мужчинъ и 767 женщинъ. А такъ какъ во Франціи мужское населеніе относится къ женскому, какъ 100 : 101,12 (*), и слѣдовательно изъ 34 милліоновъ ея жителей 16,905,330 душъ принадлежитъ къ мужскому полу, а 17,094,670 — къ женскому, то изъ этого выходитъ, что вѣроятность быть обвиняемымъ равна:

Для мужчинъ 0,0003621
» женщинъ 0,0000767

а вѣроятность быть приговореннымъ:

Для мужчинъ 0,0002243
» женщинъ . . . . 0,0000449.

Къ этимъ опредѣленіямъ мы прибавимъ прежде всего простое замѣчаніе, на которое, однако, кажется, до сихъ поръ недостаточно обращаютъ вниманія, именно: гдѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи степени безнравственности или, вѣрнѣе, противозаконности населенія, тамъ мѣри-

(*) Wappäus II, стр. 172.

ломъ можетъ служить не вѣроятность обвиненія, а только вѣроятность быть *приговореннымъ* къ наказанію за совершеніе преступленія. Поэтому, относительныя числа обвиняемыхъ при этомъ опредѣленіи вовсе не могутъ служить данными, потому что обвиненіе основано только на *подозрѣніи* въ совершеніи преступленія, и судебный приговоръ *удостовѣряетъ* лишь насъ, что подозрѣніе было основательно, и что преступленіе дѣйствительно совершено обвиняемымъ. Мнѣ кажется, что эту вѣроятность быть приговореннымъ за совершеніе преступленія можно назвать *степенью противозаконности* населенія, или мужской или женской части его, не выражая при этомъ никакого предвзятаго мнѣнія.

Второе замѣчаніе, которое тоже очень легко сдѣлать, заключается въ томъ, что эти степени вѣроятности такъ малы, что, по обыденному воззрѣнію, указываютъ только на высокую степень невѣроятности. Вѣроятность 60-лѣтнему старику умереть въ слѣдующемъ году равна 0,0357, т. е. очень мала, потому что она гораздо меньше 0,5, при каковомъ отношеніи жизнь и смерть одинаково вѣроятны.

Между тѣмъ, эта незначительная степень вѣроятности въ 98 разъ больше той, чтобы членъ населенія Франціи, мужскаго пола, въ средній годъ былъ обвиняемъ въ совершеніи преступленія, и почти въ 156 разъ больше той, чтобъ онъ былъ приговоренъ за это преступленіе.

Для 60-ти-лѣтней женщины вѣроятность умереть въ

слѣдующемъ году равна 0,0291. Слѣдовательно, она превышаетъ вѣроятность, чтобъ одна изъ женщинъ, живущихъ во Франціи, была обвиняема въ совершеніи преступленія — въ 379 разъ; а вѣроятность, чтобъ она была приговорена — въ 648 разъ. Поэтому, еслибы въ какомъ нибудь деспотическомъ государствѣ былъ изданъ законъ, по которому бы ежегодно изъ милліона мужскаго пола 229, а изъ милліона женскаго пола 45 лицъ присуждались, подъ страхомъ смертной казни, безъ различія возраста, имущества, занятій, кто бы ни былъ, ко внесенію въ государственную казну извѣстной, одинаковой суммы, но въ тоже время, чтобы сдѣлать возможнымъ подобный платежъ, учреждалась бы страховая касса, въ которую обязаны были бы дѣлать взносы всѣ жители государства отъ мала до велика, отъ бѣднѣйшаго до самаго богатаго, то эти страховыя взносы могли бы быть для лица мужскаго пола въ 156, а для лица женскаго пола — въ 648 разъ меньше тѣхъ, которые 60-ти-лѣтній мужчина или тѣхъ же лѣтъ женщина должны бы заплатить за застрахованіе своей жизни еще на̀ годъ. Изъ этого видно, что, какое бы неутѣшительное, а въ высшей степени своего развитія страшное и подрывающее общественный порядокъ явленіе ни составляло преступленіе, однако, если даже считать всѣхъ индивидуумовъ *одинаково способными* къ нему, опасность или вѣроятность совершенія преступленія очень мала для человѣка вообще, а для женскаго

пола, въ частности, она еще въ 5 разъ меньше, нежели для мужскаго.

Между тѣмъ, относительно этой способности (*) замѣчаются большія различія, не только между обоими полами, но и между разными возрастами. Находящаяся въ приложеніи къ этому сочиненію таблица II приговоренныхъ показываетъ, что во Франціи преступныя дѣйствія уже очень замѣтны въ возрастѣ моложе 16 лѣтъ, что противозаконность быстро возрастаетъ между 16 и 21 годами, достигаетъ наибольшей величины между 21 и 25, а потомъ постепенно (всего быстрѣе въ возрастѣ отъ 30—35 и отъ 35—40 лѣтъ, всего медленнѣе въ возрастѣ отъ 55—60 и отъ 60—65) уменьшается. Напримѣръ, вѣроятность совершить противозаконное дѣйствіе для всякаго лица вообще, безъ различія половъ, равна:

отъ	16	до	21	года 0,000273
„	21	„	25	„ 0,000333
„	25	„	30	„ 0,000302
„	30	„	35	„ 0,000270
.	.	.	.	. . . .
„	65	„	70	„ 0,000044
„	70	„	80	„ 0,000027;

(*) Или *доступности* для преступленія, какъ выражается Дробишъ. *Прим. пер.*

а если различать еще и полы въ тѣхъ же подраздѣленіяхъ возраста, то:

для мужчинъ.	для женщинъ.
0,000468	0,000073
0,000561	0,000115
0,000499	0,000104
0,000452	0,000086
. . . . .	. . . . .
0,000083	0,000011
0,000049	0,000008.

Такимъ образомъ, напримѣръ, возрастъ отъ 21—25 лѣтъ, въ сравненіи съ возрастомъ отъ 70—80 лѣтъ, показываетъ для всего населенія въ 12,3 раза, для мужчинъ—въ 13,5 разъ (*), для женщинъ въ 14,4 разъ

(*) Это число очевидно составляетъ одну изъ неизбѣжныхъ въ статистическихъ сочиненіяхъ ошибокъ, и вѣроятно взято Дробишемъ, случайно, изъ того столбца, по которому онъ дѣлалъ вычисленія. Мы тщательно повѣряли таблицы и не могли открыть другой причины ошибки. Между тѣмъ, этого числа нельзя принять уже и потому, что среднее (для всего населенія=12,3) никакъ не можетъ быть меньше или больше составляющихъ (для мужчинъ — 13,5 и для женщинъ — 14,4), что̀ именно выходитъ, если принять число 13,5 за вѣрное. По нашимъ вычисленіямъ, основаннымъ на таблицахъ, находящихся въ приложеніи, для мужчинъ это число равно 11,96. Тогда, если помножить его на 5 (потому что противозаконность мужчинъ въ 5 разъ болѣе, нежели противозаконность женщинъ), придать 14,4 и раздѣлить на 6 (= 5 + 1), то получится 12,3 ($11{,}96 \times 5 = 59{,}8$; $59{,}8 + 14{,}4 = 74{,}2$; $\frac{74{,}2}{6} = 12{,}3$)—именно то число, которое найдено для всего населенія уже раньше, другими вычисленіями. Этимъ наши вычисленія подтверждаются окончательно. *Прим. пер.*

бо̀льшую степень противозаконности. Но и сильнѣйшая изъ этихъ степеней — 0,000561, выражающія вѣроятность, чтобы мужчина 21—25 лѣтъ совершилъ преступленіе, всетаки еще въ 11 разъ меньше вѣроятности 25-ти-лѣтнему мужчинѣ умереть въ слѣдующемъ году, равной 0,0062.

Мы должны постоянно обращать вниманіе читателей на эту малость степеней противозаконности, и это въ особенности потому, что въ нравственной статистикѣ преступленій *абсолютныя* числа этихъ степеней, въ сравненіи съ *относительными* — для разныхъ возрастовъ и половъ слишкомъ уже много теряютъ значенія, и даже почти совершенно исчезаютъ. Прежде всего нужно помнить, что *средній человѣкъ*, въ особенности же женскаго пола, въ *чрезвычайно слабой степени* участвуетъ въ преступленіяхъ. Но еще важнѣе не забывать (на что̀ было уже указано и прежде), *что этотъ средній человѣкъ — только математическое отвлеченіе, существо, какого вовсе нѣтъ въ дѣйствительности, и что, поэтому, совершенно неправильно было бы разсматривать все, что можно сказать объ этомъ отвлеченіи,—какъ результатъ или какъ facit, въ которомъ принимаютъ дѣйствительное участіе какъ summanda или составляющія всѣ индивидуумы извѣстнаго населенія, или одного какого нибудь его возраста или пола, какъ будто всѣ они способствуютъ образованію этого результата*; потому что

всѣ тѣ лица, которыя не были ни осуждены за какое либо преступленіе, ни даже обвиняемы въ немъ, не имѣютъ въ получающемся *facit'ѣ никакого дѣйствительнаго участія.*

Подобное недоразумѣніе легко можетъ вкрасться, если, подобно Кетле и его многочисленнымъ послѣдователямъ, степень противозаконности называть *наклонностью къ преступленію (penchant au crime)*, и считать врожденнымъ всякому человѣку стремленіемъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что, еслибъ и существовала подобная наклонность, то ее пришлось бы измѣрять не вѣроятностью обвиненія, какъ то дѣлаетъ Кетле (*), а вѣроятностью осужденія. Но, во всякомъ случаѣ, оно не составляетъ такого непосредственно яснаго и несомнѣннаго факта, какъ стремленіе жениться. Правда, что Кетле и здѣсь, какъ и при послѣднемъ стремленіи, различаетъ *кажущуюся, видимую* наклонность къ преступленію отъ *дѣйствительной*, но въ томъ же смыслѣ, противъ котораго я уже выше возражалъ. Вѣдь степень противозаконности могла бы выражать только степень *дѣйствительности* этого стремленія; а для всего огромнаго большинства лицъ, которыя никогда не были ни осуждены за преступленіе, ни даже обвиняемы въ немъ, пришлось бы предположить, что этому стремленію воспрепятствовали обнаружиться противоположныя психическія силы, все равно, заключались ли онѣ въ боязн-

(*) l. c. стр. 20.

ни наказанія или стыда, или—въ страхѣ всевидящаго ока Божія, или —въ однихъ лишь напоминаніяхъ совѣсти, или же, наконецъ,—въ силѣ привычки къ порядочной жизни, созданной воспитаніемъ, или—въ какой бы то ни было другой задерживающей причинѣ. Но статистическія цифры относятся не къ этому огромному большинству, а только къ небольшой дробной части населенія, совершившей преступныя дѣйствія, или по крайней мѣрѣ навлекшей на себя подозрѣніе въ совершеніи ихъ, и къ распредѣленію этихъ дѣйствій между лицами, составляющими эту дробную часть,—по возрастамъ, поламъ, гражданскому положенію, и т. д. Слѣдовательно, въ этихъ лицахъ или наклонность къ преступленію гораздо сильнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ (и кромѣ того въ мужчинахъ въ 5 разъ сильнѣе, нежели въ женщинахъ), или вліяніе препятствующихъ ея осуществленію нравственныхъ противодѣйствій гораздо слабѣе. Нельзя, правда, отрицать, что одинъ человѣкъ отъ природы болѣе способенъ къ преступленію, нежели другой. Грубая чувственность, недостатокъ состраданія, безчувственность вообще—плохіе задатки, которые, если къ нимъ присоединятся разстроенная, беззалаберная, лишенная всякаго нравственнаго содержанія семейная жизнь, дурной примѣръ, дурное общество, и т. п.—развиваются очень рано и съ большою силою, и легко ведутъ къ преступленію; но всеобщаго стремленія къ злу, прирожденнаго человѣку *желанія* дѣлать зло—доказать невоз-

можно. Зло, въ строгомъ и настоящемъ значеніи этого слова, заключается въ сопротивленіи противъ ясно сознаннаго добра, противъ предостерегающаго и увѣщевающаго голоса совѣсти. Дѣйствительно дурной человѣкъ хорошо сознаетъ негодность своихъ желаній и дѣйствій,—слѣдовательно его нравственное пониманіе не затемнено. Но онъ противится своему собственному лучшему убѣжденію, и тщеславится своей побѣдой надъ нимъ. Это наслажденіе зломъ есть наслажденіе собственной, противостоящей всякому сопротивленію, силой воли, причемъ сознанная качественная негодность желаній оставляется безъ всякаго вниманія; это — наслажденіе *высшей степенью эгоизма*, исконнаго врага всякой нравственности. Дурной человѣкъ считаетъ себя великимъ въ этой своей силѣ, и радуется удачѣ дурнаго дѣла тѣмъ болѣе, чѣмъ величественнѣе (*) оно ему кажется, и чѣмъ труднѣе было выполнить его. На это наслажденіе *удачей* можно свести всякую утонченную злость и коварство. Злой любуется зрѣлищемъ страданій своей жертвы прежде всего потому, что они служатъ ему доказательствомъ полнаго достиженія его цѣли. Къ это-

---

(*) Не только дурной человѣкъ, но уже и одержимый страстью, напримѣръ честолюбецъ, не отступаетъ передъ внутренней негодностью поступка, если онъ кажется ему величественнымъ и при счастливомъ выполненіи обѣщаетъ польстить его себялюбію. Шиллеръ заставляетъ своего Фіеско говорить: «Украсть полный кошелекъ — позорно, утаить милліонъ—дерзко, но украсть корону — несказанно великое дѣло. Стыдъ уменьшается съ увеличеніемъ грѣха».

му, конечно, можно присоединить еще свойственное грубымъ умамъ пристрастіе къ страшному, къ ужасному, которое производитъ на нихъ болѣе возбуждающее, нежели отталкивающее впечатлѣніе. Но послѣдняя побуждающая причина дурнаго дѣйствія, въ большинствѣ случаевъ всетаки—зависть, недоброжелательство, личная ненависть или ненависть ко всему человѣчеству, создавшаяся подъ вліяніемъ неблагопріятной жизненной обстановки. Послѣ всего сказаннаго, конечно, уже нельзя будетъ отрицать въ человѣкѣ *задатковъ* ко злу (обнаруживающихся уже въ поддразниваніи, злородствѣ и духѣ противорѣчія дѣтей), но развитіе ихъ зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ, отъ соціальныхъ условій; и, къ чести человѣческаго общества, эти задатки только въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ того чудовищнаго развитія, которое проявляется въ преступленіяхъ, совершаемыхъ изъ одной коварной злости, и въ жестокости насильственныхъ дѣйствій, выполняемыхъ съ дьявольскимъ наслажднѣмъ.

Поэтому, если хотимъ дать имя степени противозаконности, выраженной статистическими цифрами, то мнѣ кажется, что названіе *совращаемость* или *соблазняемость (Verleitbarkeit) къ преступленію* слѣдуетъ безусловно предпочесть названію наклонность къ преступленію. Оно выражаетъ, что *каждый человѣкъ доступенъ* преступленію, но исключаетъ толкованіе, которое при выраженіи „наклонность къ преступленію“ всегда возможно—будто въ человѣкѣ живетъ постоян-

ное стремленіе совершить преступленіе. Что совращаемость или соблазняемость къ нѣкотораго рода преступленіямъ отчасти заключается уже въ самой *природѣ* тѣхъ лицъ, которыя ихъ совершаютъ, напримѣръ, преступленія противъ общественной нравственности — въ чрезмѣрной чувственности, или насиліе и убійство — въ вспыльчивости характера, — этого отрицать нельзя. Но если не только эти преступленія, но и другія, которыя невозможно свести на такіе специфическіе задатки, какъ-то: воровство, клятвопреступленіе, дѣланіе фальшивой монеты, отравленіе, преднамѣренное убійство—повторяются ежегодно съ довольно большою правильностью, то это доказываетъ только, что въ большомъ обществѣ лица, которыя отчасти вслѣдствіе своей индивидуальной природы, отчасти—вслѣдствіе пренебреженнаго всѣми нравственнаго своего развитія, отчасти же—вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, могутъ подвергнуться соблазну преступленія,—постоянно развиваются въ приблизительно одинаковомъ числѣ, и что поводы и случаи къ разнаго рода преступленіямъ являются также равномѣрно.

Главныя *побудительныя причины* къ преступленію—нужда, отвращеніе къ работѣ и разнообразныя человѣческія страсти. Замѣчательно въ этомъ случаѣ отношеніе преступленій противъ собственности къ преступленіямъ противъ лицъ. Данныя, которыя мы здѣсь имѣемъ, основаны, къ сожалѣнію, не на приговорахъ,

а на обвиненіяхъ, и поэтому остается сомнительнымъ, столько ли же процентовъ обвиняемыхъ изъ первой категоріи были приговорены, сколько изъ второй. Если же принять, что это такъ, то получится слѣдующій результатъ. Во Франціи изъ 1000 преступленій были направлены (*):

	Противъ собственности.	Противъ лицъ.
съ 1826 до 1830	744	256
„ 1831 „ 1835	682	318
„ 1836 „ 1840	727	273
„ 1841 „ 1845	692	308
„ 1846 „ 1850	672	328
„ 1851 „ 1855	669	331
„ 1856 „ 1860	621	379

Поэтому, въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1826—40 г. отношеніе преступленій противъ собственности къ преступленіямъ противъ лицъ, въ среднемъ, было = 2,54 : 1; въ теченіи слѣдующихъ 15 лѣтъ, съ 1841—1855—оно = 2,10 : 1, а въ послѣдніе 5 лѣтъ, съ 1856—60 г. оно = 1,64 : 1. Если изъ этихъ относительныхъ чиселъ обвиняемыхъ и выходитъ, что во Франціи въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ произошло значительное относительное увеличеніе числа преступленій противъ лицъ— что̀, въ отношеніи нравственности, составляетъ дурной признакъ, — то всетаки, въ общей сложности, преступле-

(*) Annuaire de l'économie politique et de la statistique en France pour 1860, стр. 91 и слѣдующіе года до 1863.

нія противъ собственности превышаютъ преступленія противъ лицъ болѣе нежели вдвое. Это отношеніе указываетъ на то, что одинъ изъ главныхъ источниковъ преступленій или главнымъ есть нужда, а также—отвращеніе къ работѣ (*), къ которымъ въ молодыхъ годахъ присоединяются еще тщеславіе и стремленіе къ наслажденіямъ всякаго рода, увеличивающееся съ развитіемъ цивилизаціи. Но всего яснѣе дѣйствіе страстей выражено въ распредѣленіи, чрезвычайно неравномѣрномъ, преступленій по возрастамъ. Таблицы II и V приложенія, основанныя на числахъ *приговоренныхъ*, и относящіяся къ Франціи за года 1826—44, даютъ прямое доказательство этого относительно преступленій вообще. Относительно же двухъ главныхъ категорій ихъ, таблица VI показываетъ почти одинаковый ходъ увеличенія и уменьшенія. Соблазняемость къ преступленіямъ вообще, и къ преступленіямъ противъ собственности въ особенности, всего сильнѣе между 16 и 30 годами. *Maximum* преступленій противъ лицъ приходится между 21 и 35 годами. Это года, въ которые страсти господствуютъ въ человѣкѣ всего неограниченнѣе и необузданнѣе, между тѣмъ какъ въ болѣе зрѣлыхъ годахъ, въ теченіе которыхъ эта соблазняемость постепенно уменьшается до самой глубокой старости—естественнымъ образомъ разумъ и разсудительность болѣе вступаютъ въ свои права. За-

(*) Или недостатокъ работы. *Прим. пер.*

мѣчательно тоже, что̀ самыя насильственныя преступленія совершаются преимущественно въ эпоху наибольшаго развитія физическихъ силъ, между тѣмъ какъ тѣ, которыя выполняются при помощи коварства и хитрости, или свидѣтельствуютъ о совершенной нравственной испорченности, достигаютъ своего maximum нѣсколько позже, еще разъ становятся чаще въ старческомъ возрастѣ. Въ какой мѣрѣ вообще различные возрасты принимали участіе въ преступленіяхъ противъ собственности и противъ лицъ, можно видѣть изъ слѣдующаго обзора. Изъ 1,000 преступленій были направлены:

Въ возрастѣ	Противъ собственности.	Противъ лицъ.
моложе 16 лѣтъ.	2	0,35
отъ 16—21 „	105	28
„ 21—25 „	114	50
„ 25—30 „	101	48
„ 30—35 „	93	41
„ 35—40 „	78	31
„ 40—45 „	63	24
„ 45—50 „	48	19
„ 50—55 „	34	15
„ 55—60 „	24	12
„ 60—65 „	19	11
„ 65—70 „	18	8
„ 70—80 „	8	5
болѣе 80 „	2	2
	705	295

Изъ этого слѣдуетъ, что преступленія противъ лицъ появляются въ большомъ количествѣ только между 16 и 21 годами въ такомъ же числѣ, какъ и между 35 и 45 годами, что *maximum* ихъ, какъ и преступленій противъ собственности, приходится между 21 и 25 годами, а потомъ число ихъ постоянно уменьшается, хотя сначала и довольно медленно.

Какъ относятся между собою степени участія, принимаемаго каждымъ возрастомъ въ этихъ двухъ родахъ преступленій, и, кромѣ того, въ предѣлахъ каждаго возраста обоими полами въ преступленіи вообще, можно видѣть изъ слѣдующихъ чиселъ.

Изо 100 преступленій, совершенныхъ въ возрастѣ:

	были направлены		были совершены	
	противъ собственности,	противъ лицъ	мужчинами	женщинами
моложе 16 лѣтъ.	85	15	86	14
Отъ 16 до 21 года.	79	21	87	13
» 21 — 25 »	70	30	82	18
» 25 — 30 »	68	32	83	17
» 30 — 35 »	69	31	84	16
» 35 — 40 »	71	29	83	17
» 40 — 45 »	72	28	82	18
» 45 — 50 »	71	29	80	20
» 50 — 55 »	70	30	82	18
» 55 — 60 »	68	32	82	18
» 60 — 65 »	65	35	82	18
» 65 — 70 »	63	37	86	14
» 70 — 80 »	62	38	85	15
Старше 80 лѣтъ.	50	50	96,55	3,45

Поэтому относительная повторяемость преступленій противъ лицъ составляетъ, для возраста моложе 16 лѣтъ, только 15 процентовъ всѣхъ преступленій; потомъ, въ возрастѣ отъ 25—30 лѣтъ, возвышается до 32 процентовъ, затѣмъ понижается до 28 процентовъ въ возрастѣ отъ 40—45 лѣтъ, и наконецъ снова усиливается, и болѣе прежняго, между 70 и 80 годами (38 процентовъ), а за 80 лѣтъ доходитъ до 50 процентовъ. Слѣдовательно, хотя *абсолютная* повѣряемость обоего рода преступленій и уменьшается постепенно съ приближеніемъ къ болѣе зрѣлому возрасту, но *относительная* повторяемость ихъ противъ лицъ въ тоже время постоянно увеличивается и доходитъ до равенства съ числомъ преступленій противъ собственности. Точно также, хотя *абсолютная* повторяемость преступленій послѣ 25 года безпрерывно уменьшается для обоихъ половъ, но *относительное* участіе, принимаемое женщинами въ преступныхъ дѣйствіяхъ, всего меньше въ самыхъ раннихъ и самыхъ позднихъ годахъ (если исключить возрастъ 70—80 лѣтъ, гдѣ оно составляетъ 15 процентовъ), всего больше между 45 и 50 годами (20 процентовъ), а въ остальныхъ возрастахъ почти одинаково (16—18 процентовъ). Обратное, разумѣется, слѣдуетъ сказать о мужскомъ полѣ. Это, въ такой значительной степени меньшее участіе въ преступленіяхъ женскаго пола всѣхъ возрастовъ, отчасти происходитъ отъ самой природы женщины, которая, если и мало обра-

зована, всетаки съ бо́льшимъ трудомъ поддается соблазну сдѣлать что-либо противъ обычая, традицій и обычнаго порядка, или не обратить вниманія на доброе мнѣніе другихъ, отчасти же и отъ ея болѣе изолированнаго положенія, отъ того, что ея дѣятельность ограничивается преимущественно собственнымъ домомъ. Заботы о доставленіи семейству средствъ къ существованію почти всегда достаются на долю мужа, и даже тамъ, гдѣ, какъ это бываетъ большею частью въ рабочемъ классѣ, женщина принимаетъ въ нихъ значительное участіе, всетаки она, по своей врожденной боязливости, въ сознаніи собственной слабости, когда нужда тѣснитъ, скорѣе побуждаетъ своего мужа къ преступленію, нежели сама совершаетъ его. Поэтому нельзя говорить такъ, что въ женщинѣ наклонность или стремленіе къ преступленію въ 5—6 разъ слабѣе, нежели въ мужчинѣ; можно сказать развѣ, что женщина труднѣе поддается соблазну и менѣе имѣетъ поводовъ, и что меньшая степень ея противозаконности обусловливается обѣими этими причинами.

Но всѣ эти степени противозаконности не остаются совершенно одинаковыми, ни въ предѣлахъ одной и той же страны (въ разное время), ни въ различныхъ странахъ. Что во Франціи преступленія противъ лицъ, составлявшія въ 1826—30 г. немного болѣе 25 процентовъ всѣхъ преступленій, а въ 1856—60 годахъ достигли почти 38 процентовъ, нами уже показано. Въ приложеніи показана также и относительная степень противо-

законности населенія вообще, принимая въ разсчетъ и постепенное возрастаніе его, такъ что если эту степень предположить для Франціи, для средняго изъ годовъ отъ 1826—30, равною 100, то въ 1831—35 г. она будетъ только 96, но за то въ 1836—40 г.—111, въ 1841—44 г.—104, въ 1848—52 г.—94, наконецъ въ 1853—57 г.—102, такъ что въ эти 30 лѣтъ колебанія доходятъ до 17 процентовъ. Дальнѣйшую задачу статистики составляетъ изслѣдованіе, въ какой мѣрѣ могутъ принимать въ этихъ колебаніяхъ участіе, съ одной стороны—физическія явленія, напримѣръ неурожаи, съ другой—соціальныя и политическія условія, какъ-то: войны, внутренніе безпорядки, перемѣны въ законодательствѣ касательно преслѣдованія и наказанія преступленій, и т. д. Что послѣ такихъ неурожаевъ, какой былъ въ 1846 году, увеличивается число преступленій и уменьшается число браковъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Напротивъ того, очень невѣроятно, чтобы поразительно-малую степень противозаконности, наблюдаемую во Франціи въ безпокойные года, 1848—52, можно было отнести на счетъ возвышенія нравственности народа. Гораздо правдоподобнѣе предположить, что здѣсь было время ослабленія преслѣдованія и осужденія преступленій. Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ періодъ отношеніе приговоренныхъ къ обвиняемымъ, составлявшее въ 1836—40 годахъ 65 процентовъ, а въ 1841—44 годахъ—68, понизилось

такъ, что дошло до 63 процентовъ; но за то въ слѣдующее пятилѣтіе, когда укрѣпившаяся правительственная власть снова ввела бо́льшую строгость, оно разомъ поднялось до 74 процентовъ.

Что касается до сравненія различныхъ странъ, то уже Кетле показалъ, что въ Англіи, какъ и во Франціи, между 16 и 21 годами повторяемость преступленій очень значительна, и что въ Бельгіи она немногимъ меньше. Въ Пруссіи же, напротивъ того, по изслѣдованіямъ *А. Вагнера* (*), до 24 года совершается сравнительно мало преступленій, да и *maximum* ихъ приходится на возрастъ отъ 26—40 лѣтъ, въ которомъ во Франціи противозаконность уже нѣсколько меньше, нежели въ возрастѣ отъ 16—25 лѣтъ. Соблазняемость къ преступленію начинаетъ слѣдовательно проявляться въ Пруссіи позже, нежели въ другихъ названныхъ странахъ, и также позже достигаетъ своего *maximum*. Можно бы, вмѣстѣ съ Вагнеромъ, объяснять это различіе, пока дѣло касается одной Франціи, —болѣе медленнымъ тѣлеснымъ и душевнымъ развитіемъ германскихъ и германо-славянскихъ племенъ, въ сравненіи съ романскимъ, у котораго въ особенности страсти пробуждаются раньше и обнаруживаются сильнѣе; но для Англіи, заселенной германскимъ поколѣніемъ, и для Бельгіи, населеніе которой тоже, по крайней мѣрѣ на по-

(*) Ueber die Gesetzmässigkeit der scheinbar Willkürlichen menschlichen Handlungen. стр. 33.

ловину, германское, это объясненіе не подходитъ. Скорѣе я бы выразилъ то мнѣніе, что въ Пруссіи человѣкъ потому въ особенности дѣлается позже доступнымъ преступленію, что здѣсь на него въ юношескомъ возрастѣ дольше дѣйствуетъ предохранительнымъ образомъ вліяніе школы и дома. Потому что народное обученіе, въ которомъ въ Пруссіи, какъ и во всей Германіи, принимаютъ участіе всѣ классы народа, не только распространяетъ полезныя знанія, но и стремится дать молодой душѣ нравственно-религіозное направленіе; да и самый порядокъ въ школѣ пріучаетъ къ порядку вообще. Можно также сказать, что населеніе Пруссіи, кромѣ столицы и нѣсколькихъ большихъ городовъ, живетъ, вообще говоря, въ болѣе простыхъ условіяхъ, нежели населеніе упомянутыхъ выше странъ, хвастающихся тѣмъ, что идутъ впереди другихъ по пути цивилизаціи. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что большіе всемірные города, съ ихъ стеченіемъ огромныхъ массъ народа, ихъ громадными сношеніями съ другими, ихъ утонченной роскошью и страшной нуждой—центры преступленій; что вообще городское и деревенское, земледѣльческое и промышленное населенія значительно различаются относительно числа и рода преступленій, но что при этомъ и народные обычаи, семейная жизнь, религія и исповѣданіе, законодательство и образъ правленія государства, тоже дѣйствуютъ многоразлично видоизмѣняющимъ образомъ.

По всему этому мы и въ статистикѣ преступленій не можемъ открыть вѣрнаго отпечатка всеобщаго естественнаго закона, исключительной экономіи природы; напротивъ того, мы и здѣсь находимъ, что всякая правильность въ повтореніи и распредѣленіи преступныхъ дѣйствій есть только результатъ комбинацій естественныхъ и соціальныхъ условій, которыя даютъ постоянныя числа, пока сами они неизмѣнны, но которыхъ измѣненіе влечетъ за собою и измѣненіе этихъ чиселъ.

Къ тому же результату приводитъ насъ и статистика *самоубійствъ*. Если и здѣсь начнемъ обзоръ съ Франціи, то увидимъ, что въ ней число самоубійствъ, въ 1835 — 44 г. было ежегодно, въ среднемъ, = 2685; слѣдовательно, принимая среднее населеніе ея= 34 милліонамъ, на 1 милліонъ жителей приходилось 79 самоубійцъ. Вѣроятность самоубійства была поэтому

0,000079.

Въ то же время за совершеніе преступленій были приговариваемы ежегодно среднимъ числомъ 4644 лица, по 136,6 на 1 милліонъ населенія. Слѣдовательно, на 100 преступленій приходилось около 58 (точнѣе 57,8) самоубійствъ. Съ 1848 — 57 года, напротивъ того, ежегодно среднимъ числомъ было 3,683 самоубійца; принимая же населеніе въ 35 3/4 милліоновъ на

1 милліонъ жителей приходилось 103 самоубійства, и слѣдовательно вѣроятность этого преступленія была

0,000103.

Въ тотъ же періодъ времени, среднее число приговоренныхъ за совершеніе преступленій вообще было 4738, по 132 на 1 милліонъ населенія. Слѣдовательно, теперь на 100 преступленій приходилось около 78 (точнѣе 77,7) самоубійствъ; между тѣмъ какъ повторяемость преступленій уменьшилась на $9^{7}/_{10}$ процента, повторяемость самоубійствъ увеличилась на $10^{3}/_{8}$ процента. Но это увеличеніе было постоянное, безъ остановокъ и возвратовъ, потому что, если раздѣлить эти два періода на 4 пятилѣтія, то на 100 самоубійствъ перваго пятилѣтія (1835—39) придется 113,4 втораго, 135,7 третьяго и 143,8 четвертаго. Подобное постоянство возрастанія самоубійствъ замѣчается во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ есть касательно его данныя, но повторяемость его, сравнительно съ численностью населенія, очень различна.

Напримѣръ въ Швеціи на 1 милліонъ жителей въ 1840 — 50 г. приходилось только 67, въ Бельгіи въ 1841 — 50 г. всего только 56 (*), и даже въ Англіи съ Уэллисомъ, которую, слѣдовательно, напрасно считаютъ страною самоубійствъ по преимуществу, въ 1841—45 г. только 62, въ 1856—60 г.

(*) Wappäus II, стр. 474.

было 65 самоубійствъ, (*) между тѣмъ какъ въ Саксоніи, въ 1847—52 г. это выразилось цифрою въ 202 (**), а въ Даніи, въ 1845—56 г. въ 256.

Какъ изъ постояннаго возрастанія, такъ и изъ чрезвычайнаго различія повторяемости самоубійствъ въ одинаковоцивилизованныхъ странахъ, (какъ напримѣръ въ Бельгіи и Саксоніи), слѣдуетъ, что воззрѣніе, будто «экономія природы назначаетъ ежегодно такое же постоянное число самоубійствъ, какъ и смертныхъ случаевъ вообще» (***), совершенно неосновательно. Если даже при неодинаковомъ географическомъ распространеніи самоубійствъ играютъ роль племенныя особенности, если считать доказаннымъ, что въ срединѣ лѣта совершается больше самоубійствъ, нежели зимой, и что тотъ же іюнь, въ которомъ всего чаще появляются душевныя болѣзни и совершаются преступленія противъ лицъ(****), превосходитъ всѣ другіе мѣсяцы и числомъ

(*) Wagner a. a. O. стр. 122.

(**) Въ особенности въ Лейпцигѣ, при населеніи въ 85,000 душъ, 1861—65 приходилось среднимъ числомъ на годъ 33,8 самоубійства, что́ на 1 милліонъ жителей составило бы 397,7.

(***) Wagner a. a. O. стр. 21. Но нѣсколько страницъ (24) далѣе онъ самъ говоритъ, что вмѣстѣ съ успѣхами цивилизаціи повидимому развиваются и особенныя вредныя условія, вліяющія на самоубійство.

(****) По *Guerry, statistique morale de l'Angleterre comparée avec la stat. morale de la France, Paris*, 1864, въ Парижѣ, въ періодъ съ 1806—19, а также и съ 1820—33, наименьшее число самоубійствъ за каждую недѣлю приходится на субботу (т. е. на день, когда рабочимъ выплачиваютъ деньги). Ср. Zarncke's Liter. Centralblatt, 1865, Nr. 6, стр. 146.

самоубійствъ, то всетаки другія важныя данныя указываютъ гораздо сильнѣе на то, что здѣсь многоразличныя и измѣнчивыя условія общественнаго быта имѣютъ болѣе вліянія, нежели чисто-естественныя. Если сельское населеніе гораздо менѣе принимаетъ участія въ самоубійствахъ, нежели населеніе городское, между которымъ опять наиболѣе выдаются, какъ и при преступленіяхъ, самые большіе (взрослые), то это, мнѣ кажется, можетъ только показать, что болѣе сложныя и подвижныя жизненныя условія легче могутъ привести къ нравственнымъ заблужденіямъ, нежели болѣе простыя и постоянныя. Если родина реформаціи, Саксонія, съ прилегающими къ ней протестантскими странами, въ которыхъ такъ усиленно заботятся о народномъ образованіи, представляетъ относительно самоубійствъ такой рѣзкій контрастъ съ Бельгіей, столь же промышленной и оживленной разнообразной дѣятельностью, то, повидимому, это составляетъ неблагопріятное для протестантизма свидѣтельство. Но двѣ сосѣднія, соплеменныя и протестантскія страны, Швеція и Данія, разнятся относительно самоубійства еще болѣе. Правда, тамъ, гдѣ церковь имѣетъ на народъ только незначительное вліяніе, вмѣстѣ съ вѣрою въ авторитетъ ея часто отвергается и нравственно-религіозная вѣра, которая требуетъ терпѣнія, покорности ударамъ судьбы и обѣщаетъ награду за всѣ земныя страданія въ будущей жизни, но также возвѣщаетъ и отвѣтственность предъ

высшимъ Судіей за все, что̀ человѣкъ сдѣлалъ, или не сдѣлалъ, хотя могъ и долженъ былъ. Но безвѣрія этого, съ его послѣдствіями, нельзя приписать протестантизму; послѣднему только, кажется, не вездѣ удается успѣшно бороться съ невѣрнымъ образомъ мыслей, при помощи своего оружія, которымъ онъ единственно можетъ пользоваться—оружія духа. Сводить, какъ то̀ дѣлаетъ Вагнеръ (*), *расположеніе* къ протестантизму или католицизму, и, при посредствѣ ихъ, бо̀льшее или меньшее расположеніе къ самоубійству, на «существенныя, хотя и незамѣтныя различія въ составѣ или образованіи мозга», и такимъ образомъ—на «племенныя особенности», кажется мнѣ слишкомъ натянутою гипотезою. По крайней мѣрѣ пока мы знаемъ еще такъ мало достовѣрнаго относительно способовъ и мѣры участія головнаго мозга въ духовной жизни. Но гипотеза эта вѣроятно ничто иное, какъ матеріалистическое выра́женіе того, дѣйствительно неоспоримаго факта, что народы, племена и личности, въ которыхъ дѣятельность разсудка беретъ перевѣсъ надъ живостью воображенія и непосредственностью чувства, болѣе склонны къ протестантизму, а тѣ, въ которыхъ преобладаютъ послѣднія психическія силы—къ католицизму. Но развитіе этой склонности всетаки зависитъ еще отъ многоразличныхъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ прямой связи съ духовными задатками.

(*) а. а. О. стр. 188.

И при самоубійствахъ различіе половъ и возрастовъ играетъ очень значительную роль, но нѣсколько другую, нежели при преступленіяхъ вообще. Прежде всего, оба пола принимаютъ почти одинаковое участіе въ постоянномъ увеличеніи числа самоубійствъ. Дѣйствительно, принимая въ разсчетъ возрастаніе населенія, во Франціи это увеличеніе составляло, въ сравненіи съ числомъ самоубійцъ, приходившихся въ годахъ 1835 — 39, на 1 милліонъ жителей:

	Для мужчинъ.	Для женщинъ.
Съ 1840 до 1844 . . .	13,3 процента . .	13,9
» 1848 » 1852 . . .	38,2 » . . .	28,4
» 1853 » 1857 . . .	42,7 » . . .	46,4

И такъ, если увеличеніе для женскаго пола въ 1848—52 годахъ было значительно меньше, нежели для мужскаго, то въ слѣдующее пятилѣтіе это съ избыткомъ вознаградилось. Отношеніе самоубійцъ-мужчинъ къ самоубійцамъ-женщинамъ почти постоянно = 3 : 1, между тѣмъ какъ для преступленій оно было = 5 : 1; другими словами, мужчины составляютъ 75, а женщины 25 процентовъ. Это отношеніе подвергается однако въ разныхъ возрастахъ видоизмѣненіямъ, которыя бываютъ довольно значительны. Такъ, между 100 самоубійцами было:

	1835—1844.		1848—1857.	
Въ возрастѣ	Мужчинъ.	Женщинъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
моложе 16 лѣтъ.	65	35	66	34
Отъ 16 до 21	64	36	58	42
» 21 » 30	75	25	72	26

Въ возрастѣ	1835—1844. Мужчинъ.	Женщинъ.	1848—1857. Мужчинъ.	Женщинъ.
Отъ 30 до 40	78	22	77	23
» 40 » 50	76	24	78	22
» 50 » 60	74	26	79	21
» 60 » 70	77	23	77	23
» 70 » 80	78	22	77	23
» 80 и болѣе.	81	19	74	26

Всего яснѣе замѣтно здѣсь, что въ юношескомъ возрастѣ (до 21 года) процентъ самоубійцъ мужскаго пола гораздо ниже, а женщинъ, слѣдовательно, выше, между тѣмъ какъ въ позднѣйшіе года уклоненіе отъ средняго отношенія гораздо меньше. Въ самоубійствѣ, слѣдовательно, отношеніе между двумя полами обратное тому, которое мы видѣли при преступленіяхъ; тамъ мужчины принимаютъ участіе болѣе женщинъ въ 6,4 раза, а при самоубійствѣ это отношеніе выразится 0,58 или 1: 1,7. Напротивъ того, *абсолютная* повторяемость самоубійствъ непрерывно возрастаетъ съ лѣтами, и *maximum* ея приходится въ глубокой старости. Если соединить десятилѣтія 1835—44 и 1848—57, то во Франціи среднимъ числомъ приходится изъ 1000

На возрастъ	Самоубійцъ мужскаго пола.	Самоубійцъ женскаго пола.
моложе 16 лѣтъ	2	3
отъ 16—21	30	60
» 21—30	74	85
» 30—40	88	84
» 40—50	122	118

На возрастъ	Самоубійцъ мужскаго пола.	Самоубійцъ женскаго пола.
Отъ 50—60	145	139
» 60—70	169	162
» 70—80	185	177
» 80 и болѣе.	185	172

И здѣсь женскій полъ въ юношескомъ возрастѣ принимаетъ сравнительно бо́льшее участіе въ самоубійствѣ, нежели мужской, а въ болѣе зрѣлыхъ и старческихъ годахъ меньше. Далѣе, если сравнить повторяемость самоубійствъ въ возрастѣ моложе 21 года съ возрастомъ послѣ 70 лѣтъ, то получится для мужскаго пола отношеніе 1 : 5,8, а для женскаго 1 : 2,8 (*). Если, съ другой стороны, сравнить повторяемость преступныхъ дѣйствій въ тѣхъ же возрастахъ (по таблицѣ II приложенія), то для мужчинъ найдется отношеніе 7,7 : 1, а для женщинъ 8,5 : 1. Напротивъ, *тахітит* участія, принимаемаго какимъ нибудь возрастомъ въ самоубійствѣ, въ обоихъ полахъ не очень различается отъ того же *тахітит* для преступныхъ дѣйствій. Изъ приведенныхъ нѣсколько выше таблицъ видно, что оно составляетъ для мужчинъ 18,5 и для женщинъ 17,7 процентовъ, а таблица II приложенія показываетъ, что этотъ *тахітит* для преступныхъ дѣйствій будетъ для мужчинъ 16,2, а для женщинъ 17,4 процентовъ.

Выборъ средствъ къ самоубійству весьма различается

(*) Точнѣе—1 : 2,9. *Примѣч. перев.*

по національнымъ особенностямъ и племеннымъ обычаямъ, но всетаки представляетъ, въ предѣлахъ одной и той же группы населенія, частью довольно постоянныя, частью же медленно измѣняющіяся числа, а относительно обоихъ половъ значительно различается. Такъ, изъ 1000 самоубійцъ избрали (*):

		Повѣшеніе.	Утопленіе.	Застрѣливаніе.	Ядъ.	Другія средства.
Въ Даніи. .	(1840—56)	689	208	49	15	39
„ Норвегіи	(1851—55)	661	207	43	—	89
„ Баваріи.	(1844—51)	494	244	181	—	81
„ Бельгіи .	(1840—49)	474	254	154	18	100
„ Швеціи.	(1843—55)	393	235	69	217	86
„ Франціи	(1848—57)	364	317	131	18	170

Контрастъ между Даніей и Швеціей и здѣсь очень разителенъ, хотя въ послѣдней странѣ и можно объяснить кажущееся сильное распространеніе яда тѣмъ, что тамъ и удушеніе посредствомъ угольнаго чада причисляется къ отравленіямъ. Что касается до различія выбора средствъ самоубійствъ по поламъ, то избрали изъ 1000 самоубійцъ мужчинъ смерть чрезъ:

		Повѣшеніе.	Утопленіе.	Застрѣливаніе.	Ядъ.	Удушен. чадомъ.	Другія средства.
Въ Даніи .	(1845—56)	683	177	83	15	—	42
„ Франціи	(1848—57)	393	271	172	15	65	84

(*) Wappäus, II. S. 440.

а изъ 1,000 самоубійцъ женщинъ тѣ же роды смерти, въ томъ же порядкѣ:

Въ Даніи . .	429	434	2	67	—	68
„ Франціи.	271	457	7	28	145	92

Итакъ, наиболѣе употребительный родъ смерти въ обоихъ странахъ составляетъ у мужчинъ — повѣшеніе, а у женщинъ — утопленіе, хотя въ Даніи пристрастіе къ повѣшенію и между этимъ поломъ почти равно пристрастію ихъ къ утопленію. Для Франціи можно доказать еще, что въ промежутокъ времени, прошедшій отъ пятилѣтія 1835 — 39 до пятилѣтія 1853—57, повѣшеніе между мужчинами усилилось на 30 процентовъ, между женщинами на 9, а удушеніе чадомъ между мужчинами на 34 процента и между женщинами на 19; между тѣмъ застрѣливаніе уменьшилось между мужчинами на 36, между женщинами на 50 процентовъ. Въ Даніи, въ періодъ 1835 — 44 гг. и 1848 — 57, у мужскаго пола повторяемость повѣшенія возвысилась на 2 процента, застрѣливанія на 32, отравленія на 15 процентовъ, но повторяемость утопленія понизилась на 11 процентовъ; у женскаго же пола повѣшеніе уменьшилось на 2 процента, но за то утопленіе усилилось на $5^{3}/_{5}$, а отравленіе на $39^{3}/_{5}$ процента (*). Но вѣроятно при опредѣленіи послѣдняго рода смерти и здѣсь къ нему присоединено удушеніе чадомъ.

(*) Вычислено по даннымъ, находящимся у Wappäus II, стр. 442.

Все это приводитъ насъ, наконецъ, само собою, къ вопросу, можетъ ли, и до какой степени, нравственная статистика раскрыть передъ нами причины и побужденія самоубійства. Мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ по этому поводу результаты обширныхъ изслѣдованій А. Вагнера (*), который говоритъ, что вѣрно цѣлую треть самоубійствъ (у женскаго пола еще значительно бо́льшую часть) можно свести на душевныя болѣзни, но только развѣ около одной десятой на тѣлесныя, причемъ для обоихъ половъ отношеніе будетъ почти одинаковое. Между прочими побудительными причинами самоубійства рѣдко встрѣчаются болѣе благородныя, напримѣръ возвышенныя, мечтательныя страсти, горе о потерѣ любимой особы, стыдъ и раскаяніе, боязнь позора и т. п.; чаще фигурируютъ порокъ, сажалѣніе о потерѣ имущества, неудовольствія и споры между родными, боязнь наказанія и т. д. Поэтому, кажется, мы имѣемъ право считать всеобщее умноженіе самоубійствъ въ европейскихъ государствахъ признакомъ возрастающей деморализаціи, потому что все бо́льшій процентъ населенія поддается ея соблазну. А замѣчательный фактъ, что соблазняемость ею постоянно увеличивается съ возрастомъ, повидимому указываетъ на то, что съ продолженіемъ жизни возрастаетъ и запутанность жизненныхъ условій; что неимѣющій нравственной точки опо-

(*) См. названное уже нѣсколько разъ сочиненіе его, особенно стр. 157, слѣд. и стр. 283.

ры и нерелигіозный человѣкъ съ теченіемъ лѣтъ все болѣе впадаетъ въ отчаяніе, что вмѣстѣ съ тяжелымъ сознаніемъ упадка физическихъ и духовныхъ силъ все болѣе и болѣе развивается малодушіе и робость, постепенно начинаетъ преобладать болѣзненное расположеніе духа, а надежда выбиться изъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ силою воли и энергіей—постоянно падаетъ. Гдѣ всегда былъ недостатокъ нравственнаго самообладанія, вѣры въ Провидѣніе и въ назначеніе человѣка, простирающееся за предѣлы земной жизни, тамъ, конечно, самоубійство является естественнымъ послѣдствіемъ условій, зависящихъ частью отъ общихъ, частью же отъ личныхъ жизненныхъ судебъ, способствующихъ этому рѣшенію. Говорятъ еще и о *наклонности* къ самоубійству, но сколько мнѣ извѣстно, еще никто не предполагалъ всеобщаго, свойственнаго человѣку отъ природы стремленія къ нему, въ родѣ мнимой, врожденной наклонности ко злу, поэтому намъ и не приходится опровергать подобное предположеніе. Въ самомъ дѣлѣ, *чувство самосохраненія* и любовь къ жизни такъ глубоко укоренены въ человѣкѣ, что самоубійство всегда является противоестественнымъ поступкомъ.

Здѣсь мы можемъ закончить нашъ обзоръ нравственной статистики и установить, какъ главнѣйшія результаты ея, слѣдующія положенія:

1) Всякая законность, какую нравственная стати-

стика доказываетъ для произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, происходитъ не отъ фаталистическаго закона, не отъ судьбы, требующей слѣпой покорности, и свершающейся съ неодолимой силой, а напротивъ того, составляетъ *продуктъ* постоянныхъ, но могущихъ видоизмѣняться причинъ.

2) Законность, доказываемая нравственной статистикой, относится только къ извѣстнымъ классамъ произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій, и всегда только къ небольшой дробной части населенія страны, части, особенно способной къ этимъ дѣйствіямъ. Какъ *средній человѣкъ* вообще, такъ и въ особенности средній человѣкъ мужскаго и женскаго пола и извѣстнаго возраста, ничто иное какъ отвлеченная, математическая фикція, которую можно допустить потому, что она показываетъ отношеніе числа лицъ, совершающихъ извѣстное произвольное дѣйствіе, къ числу лицъ того же класса, не совершающихъ его; но это отвлеченное понятіе вовсе *не имѣетъ того* значенія, какъ будто *всѣ* индивидуумы этого класса принимаютъ *дѣйствительное* участіе въ этихъ различныхъ дѣйствіяхъ.

3) Способность къ дѣйствіямъ, изслѣдуемымъ нравственною статистикой, основывается частью на свойствахъ человѣческой природы вообще, частью на особенныхъ, благопріятствующихъ задаткахъ, которые опять могутъ быть или личными, или находиться въ связи съ естественными племенными особенностями, частью же,

наконецъ, на общественномъ положеніи и всемъ ходѣ жизни лица.

4) Проявится ли эта способность въ дѣйствительности, и какъ, это зависитъ отъ силы побудительныхъ къ дѣйствію причинъ, случаевъ выполненія и отъ бо́льшей или меньшей степени сопротивленія, которое разсудительность, размышленіе и нравственное образованіе противопоставляютъ искушающимъ побужденіямъ.

5) Постоянство статистическихъ цифръ указываетъ на то, что въ большомъ обществѣ поводы и случаи къ дѣйствіямъ, къ которымъ относятся эти цифры, ежегодно повторяются почти равномѣрно, но также и на то, что число лицъ, которыя, или не имѣютъ причинъ противиться побужденіямъ къ дѣйствіямъ (какъ напр. при бракахъ, заключаемыхъ не легкомысленно), или въ которыхъ нравственное сопротивленіе слишкомъ слабо (какъ при преступленіи и самоубійствѣ), остается, вообще говоря, приблизительно одинаковымъ.

6) Поводы и случаи къ такимъ дѣйствіямъ большею частью зависятъ отъ соціальныхъ условій и обстановки, которыя, хотя и сохраняются довольно долгое время, но не абсолютно неизмѣнны. Отчасти же они зависятъ и отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ природныхъ условій разныхъ мѣстностей и временъ, т. е. отъ бо́льшей или меньшей легкости удовлетворенія насущныхъ потребностей человѣка. Поэтому повторяемость разсмотрѣнныхъ нами дѣйствій не представляется всег-

да и вездѣ одинаковою, но претерпѣваетъ и временныя и мѣстныя видоизмѣненія.

7) Въ особенности же умственное и нравственное образованіе, могущее оказывать сопротивленіе соблазну къ необдуманнымъ и недозволеннымъ дѣйствіямъ, зависитъ отъ соціальныхъ условій, отъ всего строя и организаціи общества. Но этотъ строй также разнообразенъ, какъ и самые народы, народные обычаи и государственныя учрежденія. Но и организмъ общества не неизмѣненъ; и онъ подверженъ измѣненіямъ, вслѣдствіе которыхъ общественный бытъ то улучшается, то ухудшается, съ чѣмъ вмѣстѣ уменьшается или увеличивается и число безнравственныхъ дѣйствій.

8) Если подъ именемъ *произвольныхъ* дѣйствій понимать такія, которыя единственно и цѣликомъ составляютъ результатъ одного желанія (свободный выборъ чистой воли), то нравственная статистика, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ доступной ей области, *отрицаетъ* дѣйствительность существованія подобныхъ дѣйствій и объявляетъ произволъ чистымъ заблужденіемъ, потому что она вездѣ находитъ поводы, основанія, побудительныя причины дѣйствовать. Поэтому, если *безпричинная* воля изъявляетъ притязаніе на то, чтобы считаться свободной волей, то нравственная статистика положительно *отрицаетъ* возможность существованія свободной воли въ этомъ смыслѣ.

9) Напротивъ того, она оставляетъ совершенно не-

рѣшеннымъ вопросъ, всегда ли человѣческая воля можетъ, *опредѣляясь разумными побудительными причинами*, противустоять даже самымъ сильнымъ соблазнамъ къ необдуманнымъ или недозволеннымъ дѣйствіямъ; всегда ли *собственное разумное пониманіе* человѣка имѣетъ достаточно силы, чтобы дать направленіе его желаніямъ и дѣйствіямъ.

Внутреннія, психическія побудительныя причины отмѣчаемыхъ ею дѣйствій почти совершенно ускользаютъ отъ ея изслѣдованія, и вопросы, касающіеся большаго числа лицъ, также способныхъ къ подобнымъ дѣйствіямъ, но не совершающихъ ихъ: слишкомъ ли здѣсь слабы побудительныя причины, или не представляется удобныхъ случаевъ, или слаба воспріимчивость, или же сила разумнаго самообладанія удерживаетъ отъ выполненія дѣйствія,—всѣ эти вопросы не могутъ быть рѣшены посредствомъ статистической классификаціи.

Что человѣкъ съ правильнымъ образомъ мыслей можетъ не только постоянно работать надъ собственнымъ нравственнымъ усовершенствованіемъ, но и имѣть, съ бо̀льшимъ или меньшимъ, смотря по его способностямъ и общественному положенію, успѣхомъ, нравственное вліяніе на *другихъ* — въ узкихъ или широкихъ предѣлахъ, въ семействѣ, въ кругу людей, съ которыми онъ сталкивается по своимъ занятіямъ, въ такъ-называемомъ обществѣ вообще, въ школѣ, въ церкви, въ государствѣ, словомъ — вездѣ: что воспитаніе, нравственно-религіоз-

ное обученіе и исправленіе народа посредствомъ хорошихъ примѣровъ, духа согласія, разумной благотворительности, человѣколюбивыхъ обществъ, добросовѣстнаго исправленія должностей, мудрыхъ законовъ и т. д., способно произвести въ общественномъ быту существенныя улучшенія, и что, слѣдовательно, бытъ этотъ зависитъ отъ общей, сложной воли всего общества, въ которомъ каждый принимаетъ свою долю участія, — все это можно, конечно, считать такою извѣстною и всѣми признаваемою истиною, что становится лишнимъ терять слова, говоря объ этомъ. Дѣйствительно, на этомъ можно успокоиться, если разсматривать человѣческія отношенія и судьбы только съ точки зрѣнія практической жизни и не прилагая къ опредѣленію ихъ другаго, болѣе тонкаго мѣрила, кромѣ общаго смысла (*common sense*), здраваго, но отвергающаго всякія болѣе глубокія изслѣдованія, какъ излишнее мудрствованіе. Однако, для научно-философскаго духа изученіе нравственной статистики оставляетъ послѣ себя еще нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ какъ она положительно отрицаетъ всякое безпричинное желаніе, то намъ представляется неотразимый, серьезный вопросъ: не находимся ли мы и тогда, когда намъ кажется, что мы желаемъ и дѣйствуемъ по *внутреннему* побужденію, что мы *сами* опредѣляемъ извѣстное направленіе нашей воли, не находимся ли мы въ грубомъ заблужденіи, не происходятъ ли *извнѣ* всѣ наши побужденія къ желаніямъ и дѣйствіямъ. Не

принимаетъ ли духъ нашъ, во время постоянныхъ сношеній своихъ съ внѣшнимъ міромъ, того особеннаго отпечатка, который на него налагаютъ окружающіе его предметы и явленія. А когда онъ уже принялъ этотъ отпечатокъ, то не должны ли и тѣ дѣйствія, которыя мы привыкли разсматривать какъ произвольныя, самоизбранныя, свободныя, — совершаться *по необходимости*?

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ НОВѢЙШИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ

ПО ВОПРОСУ

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ЧЕЛОВѢКА И ОБЩЕСТВА,

содержащій слѣдующіе современные вопросы антропологіи:

I. **Взглядъ на первобытныя времена человѣческаго рода.** Соч. К. Фогта.
II. **Методы и результаты этнографіи.** Соч. Т. Гэксли.
III. **Бытъ дикихъ народовъ.** Соч. Шаффгаузена.
IV. **Физіологія языка.** Соч. В. Вундта.
V. **Новѣйшая миѳологія.** Соч. Макса Мюллера.
VI. **Литература антропологіи.**

Настоящій Сборникъ печатается въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ.

ИЗДАНІЕ Н. И. ЛАМАНСКАГО.

Цѣна за весь Сборникъ 2 р. 50 к., а по выходѣ тома (не позже августа 1867 г.) 3 р. 50 коп.

Каждый выпускъ продается и отдѣльно.